

Анита Польшваре
Дино ди Стампи

МЕДИЧИЙСКИЕ ЗВЕЗДЫ

Анита Польшаре

Медицинские звезды

«Издательские решения»

Польваре А.

Медичийские звезды / А. Польваре — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503197-6

Любовь и предательство, герои и злодеи, великие мира сего и маленькие люди. Раскрыть для себя природу этих фундаментальных понятий предстоит персонажам в процессе поиска утерянных бумаг «упрямого Галилея».

ISBN 978-5-00-503197-6

© Польваре А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Казнь	8
Начало	17
Обыск	21
Ученые и учителя	28
Аптека Пеля. Визит первый	34
Беседа с Анной	46
Письма Галилея	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Медицинские звезды

Анита Польшаре
Дино ди Стампи
#

Нашим родителям посвящается

Редактор Анна Штумпф

Редактор Денис Порохов

Корректор Анна Штумпф

Дизайнер обложки Мария Ведищева

Фотограф Полина Шамраева

© Анита Польшаре, 2020

© Дино ди Стампи, 2020

© Анна Штумпф, 2020

© Денис Порохов, 2020

© Мария Ведищева, дизайн обложки, 2020

© Полина Шамраева, фотографии, 2020

ISBN 978-5-0050-3197-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Случилось так, что двадцать пятого января две тысячи ... —десять третьего года я, как и еще несколько студентов Санкт-Петербурга, оказался участником весьма интересного мероприятия. Оно состоялось в старом доме по Малому проспекту на Васильевском острове, недалеко от Смоленского кладбища, в квартире тринадцать.

С недавних пор здесь собирается кружок любителей философии и истории науки, который вынужденно ушел в подполье, так как официально подобные сообщества оказались под запретом. С тех пор, как церковь вернули в лоно государства, научная и инженерная доктрины существенно изменились. Уже в девятнадцатом году в тогда еще мощной Америке проводились съезды сторонников теории плоской Земли. Затем они основали университет, постепенно – почуввав немалые денежные вливания – к ним стали примыкать и профессионалы. Кто бы знал, что начался Великий Закат. Со временем все научные теории объявили не более, чем частными воззрениями на устройство мира без каких-либо претензий на истинность, а инженерию – искусством расположения вещей, чтобы привести их во взаимодействие для получения нужного эффекта. Многие книги и материалы по истории и философии науки в библиотеках и глобальных сетях, написанные аж до начала нашего века, пополнили «списки нежелательных», запрещенных к публичному доступу. Нынче не найти труды таких авторитетов, как Кудрявцев, Спасский, Вульфийус или Дмитриев. Что касается западных авторов, за их прочтение теперь и в тюрьму можно угодить. Те, кто не боится последствий, проводят различные собрания и мероприятия нелегально, как правило, на квартирах. Одним из них и является герой моего повествования, наш уважаемый учитель – синьор Денис. Несмотря на преклонный возраст, он вполне деятельный старикан с чувством юмора и очень хорошей памятью.

Да простит читатель мою забывчивость. Разрешите представиться: Массимо Скарпе, магистр педагогики Санкт-Петербургского Педагогического университета. Родом из Италии, из римского района Ponte, с улицы *vicolo Sugarelli*, что с одной стороны выходит на *via Giulia*, а с другой – *via dei Banchi Vecchi*. В Северную Венецию приехал за хорошим образованием, хочу стать учителем. У меня на родине, после распада Евросоюза, что приключился лет двадцать назад, с образованием стало совсем плохо, и молодежь потянулась в другие страны. В том числе, Россию. Здесь тоже оказалось не все так просто, особенно с естественными науками, но существенно лучше, чем в старушке-Европе. И вот я стал магистром.

За время пребывания в этом городе я понял – он полон тайн, загадок, мифов и легенд, пропитан духом авантюризма и манит всякого, кто ему доверился, к приключениям.

Однажды здесь, на берегах Невы, произошло событие, о котором я и хочу ныне поведать. Зачем? Прежде всего, чтобы по свежей памяти не забыть. И еще потому, что некоторые вопросы наш мэтр осветил так, как нам и не представлялось. Да и история оказалась весьма любопытной.

Итак, в вечер двадцать пятого января означенного года учитель отмечал девяностолетний юбилей и поведал нам очень необычную историю. В тот мягкий зимний вечер, когда серебристые хлопья снега, чуть вальсируя, укутывали город теплым одеялом, я выбежал из метро «Василеостровская», свернул на Восьмую линию и шмыгнул в подошедший автобус. Уже через несколько минут я звонил в дверь учителя. Открыла Аня, аспирантка медицинского факультета «Большого» университета, мило улыбнулась и слегка встряхнула каштановой челкой. Мы с ней друзья уже несколько лет.

– Привет, Массимо, заходи, – живо, почти шепотом сказала она, оглядываясь, и закрыла дверь.

– Я опоздал?

– Нет, он пока с Олегом Леонидовичем разговаривает.

Я переобулся, снял курточку и засеменял в гостиную. Там находилось человек десять молодежи. Сидели, кто на чем, по периметру комнаты, потолок которой украшала роскошная подлинная лепнина и круглая бронзовая люстра.

В левом углу в кресле с прорезиненными колесами сидел учитель. Седые волосы выдавали некогда богатую шевелюру, положение головы демонстрировало боевой настрой. Рядом стоял высокий мужчина, волосы серебряным серпантинном спадали до плеч, а такая же серебряная борода опускалась по грудь. Этот человек – Олег Леонидович, давний друг мэтра, отношения с которым складывались очень непросто. И тем не менее, они друзья. На мой приход учитель отреагировал обращением к Олегу Леонидовичу:

– Олежа, дружище. Помоги мне.

Тот развернул кресло, все обратили взоры на задумчивое, поцарапанное морщинами лицо синьора Дениса.

– Друзья мои. Увы, сегодня далеко не все мои друзья смогли быть. Н... н... но те, кто сегодня здесь – безусловно, мои друзья, – легкое заикание ни в коей мере не мешало и придавало речи шарм.

Оказалось, что все согласны с этим утверждением.

– Я понимаю, время таково, теперь любой день может быть днем... сами понимаете...

Присутствующие запротестовали, но учитель возразил:

– Нет, нет. Не стоит так реагировать. Мы же с вами мыслим естественнонаучно, в отличие от подавляющего агрессивного демократического большинства. Но сегодня я не буду вам читать лекции или давать наставления. Я хочу поведать одну историю, в которой участвовал лично, а также люди, в чьей искренности я ни на йоту не сомневаюсь. Посему, даже если некие события покажутся нереальными, поверьте, все так и случилось.

Гости переглянулись в надежде увидеть того, кто что-нибудь понимает. Таковых не оказалось. Тем временем Олег Леонидович наклонился к мэтру и полусшепотом спросил:

– Ты уверен, что хочешь это сделать?

– Н... н... не переживай, Олежа. Я решил, так правильно. И, пожалуйста, раздай им материалы.

«Материалами» оказались устройства, которые когда-то назывались флеш-картами. Они содержали некую информацию, ее можно просмотреть на старых компьютерах. Современные компьютеры не могут работать с этими устройствами, и нужно найти еще человека, обладателя компьютеров начала века, чтобы вытащить информацию. Все с интересом разглядывали эти самые флешки.

– Речь пойдет о бумагах, значимость которых переоценить невозможно. Письма Галилея, которые очень долгое время считались утерянными, а также донос на высокопоставленных лиц Ватикана. Их так надежно спрятали, что никто, со времен оных до наших приключений в конце второго десятилетия нашего века не мог найти. И мне, и моим друзьям несказанно повезло оказаться участниками событий, которые и привели к этим документам. Я держал их в руках. Ох, как бы онигодились вам сейчас, в это непростое время.

Учитель замолк, взял со стола стакан воды и, сделав глоток, вернул на место.

– И вот, сегодня, я решил поведать эту историю.

Мэтр прервал речь. Его друг удобно устроился в большом коричневом кресле. После минутной паузы синьор Денис приступил:

– Н... н... началась история, пожалуй, вот с какого момента. Морозным зимним вечером тринадцатого января в год столетия русской революции...

Казнь

Ночь в Вечном Городе выдалась оглушающе тихой. Мир замер в горестном ожидании неотвратимо ужасного и необъяснимо жестокого. Говорят, в такой тишине слышно, как стучит сердце.

На via del Grifone под самой крышей грязно-желтого дома, в небольшой комнате, меблированной грубым деревянным столом, стулом с высоченной резной спинкой и большой кроватью слева от окна, прямо поверх одеял лежал флорентийский лютнист тридцати пяти лет. Изящная палисандровая лютня, искусно выполненная мастером-лютье шестнадцатого века, висела на противоположной стене над простым массивным походным сундуком, обитым железом. Жилище наполнял легкий предрассветный полумрак и сладко-тяжелый запах фруктов трехдневной давности, лежащих на тарелке рядом с кувшином.

Дионизио не спал. В убивающей тишине он не мог спать и не слышал биения сердца. Скрежет мыслей усугублял мучительную боль в голове.

Чем они разгневали небеса и Всевышнего? За что им выпало все это? Дионизио сел на край кровати, обхватив голову руками, и тихонько застонал. Как случилось, что в этом полном гармонии, красоты, науки и искусства мире она оказалась в самом его страшном месте – в камере инквизиции? Собственный стон показался хриплым криком, способным поднять на ноги весь город. Город спал.

Теперь Дионизио понял, как она важна в его жизни, и что их отношения – не флирт и не мимолетное увлечение.

Он виноват. Бумаги принес он. И сейчас проклинал себя, что бросился искать помощи у слабой женщины, зная наверняка, что она не откажет. До сего дня все воспринималось как должное, как само собой разумеющееся – играл на лютне, читал стихи, занимался важными делами. Теперь жизнь лишилась самого главного – смысла! Смысла всего, что казалось естественным и не вызывающим сомнений. Именно он отдал ее в руки инквизиции. В смертельные руки, откуда нет исхода.

Музыкант смотрел в пол воспаленными от горя глазами. Душу терзала мысль не только о вине, но и о беспомощности. Нет ничего чудовищнее, чем осознавать беспомощность. Это сводит с ума. Хочется, безумно хочется заорать, броситься на противника, будь то человек или зверь. А он – враг – только и ждет демонстрации бессилия, потому что ему этого и надо. Нет сомнений, именно так и проявляется Дьявол. Упивается твоей слабостью. Наслаждается твоей уязвимостью. Высасывает из тебя всю жизненную силу. До опустошенности. Забирает из тебя Человека. Мать, от которой отрывают ребенка и бросают в огонь, сходит с ума, потому как беспомощна и не может помочь своему дитя! Муж, жену которого на его глазах разрывают на части, перестает быть человеком, потому как беспомощен. И вот, когда наступает край, когда ощущается едкое дыхание безумия, тогда исчадие ада уверенно бросает в безвольную душу зерно мести. От прорастания этого зерна и возникает он – сладковатый привкус мести... И свершается подмена. Жизнь наполняется смыслом. Появляется цель. Все помыслы устремлены только на одно – месть. Так Дьявол забирает душу себе во служение. Но исполнителями его воли, загонщиками в состояние бессилия, могут стать кто угодно, человек, любое животное, природа. Даже, как нам порой кажется, Он – Бог! И мы восклицаем – за что же Ты так с нами?

Но кому может мстить Дионизио? Он сам виноват. И сделать ничего не может.

Холодный луч солнца коснулся ступней и быстро исчез. Светало. Музыкант поднял голову и хлопнул ладонями. Пора. Быстро встал с кровати, накинул чистую белую рубаху. Заткнул за пояс большой кривой нож: «Пусть будет». Перед дверью накинул плащ, схватил шляпу и вылетел на улицу.

Музыкант был невысок и худощав. На смуглом лице блестели серые с черными ресницами глаза – живые и умные. Анне очень нравились темные выющиеся волосы Дионизио – при встречах с глазу на глаз и в мечтах она любила легко запускать в них руку и ощущать мягкость. Тонкий и одновременно мужественный профиль сводил Анну с ума. Двигался Дионизио быстро и порывисто, при разговоре много жестикулировал, особенно, когда волновался. Улыбка выдавала в музыканте человека открытого и импульсивного – он всегда смотрел собеседнику прямо в глаза.

Светло, но небо затянуло тучами. По улицам и закоулкам в сторону Campo dei Fiori тянулись ручейки людей, кто шел в одиночку, кто с детьми. Горожанам площадь хорошо знакома публичными спектаклями сожжения еретиков, ведьм и прочих отступников веры. Музыкант старался не смотреть по сторонам, но до него доносились выкрики и смешки в адрес сегодняшних жертв, что вызывало в груди жгучее ощущение боли. Почти бегом он добрался до Тибра в районе моста Sant Angelo. На мосту, вдоль набережной и прилегающих дорог стояли копейщики и гренадеры. Подступиться близко оказалось невозможно. Тибр хлестко дунул в лицо порывом ледяного ветра, едва не сорвав шляпу.

Вскоре из ворот Castel Sant Angelo выехали четыре роскошные кареты, у двух окна задернуты плотной тканью. Чуть позже солдаты в миланских латах вывели четырех женщин в длинных балахонах из грубой серой ткани с большими капюшонами, накинутыми на головы. Связанные по рукам и друг с другом, обессиленные долгими пытками и голодом, они едва переставляли босые ноги, с трудом удерживаясь, чтобы не свалиться от порывов ветра.

– Странно, уже в серу переодели, – проскрипело над ухом Дионизио.

То была дряхлая старуха с черными растрепанными волосами, трепыхавшимися на ветру из-под ветхого черного платка с неопределенным выцветшим рисунком, в длинной черной юбке и странной, разъеденной временем палкой в руке. Глаза ее смотрели пусто и невидяще.

– Почему в серу? – недоуменно спросил Дионизио хриплым голосом.

– Как почему? Ясно ж почему! Чтобы точно сгорели. Их на площади должны переодеть! Прилюдно. Порядок таков. А они, ведьмучки, уже в сере. Все не так стали делать! – потрясая палкой, скрипела старая карга. – И на телеге должны везти, а не пехом идти!

«Сама ведьма», – чуть не выругался вслух лютнист. Порыв ветра с реки вновь обдал лицо холодом. «Боже! Как скот ведут на убой!» Он всматривался в каждую из девушек, пытаясь поймать лица, цвет волос. «Анна? Где ты? Подними голову! Почувствуй! Я здесь!» Увы, капюшоны слишком велики, а головы понуры. Все четверо выглядели одинаково истощенными и обессиленными, и понять, кто из этих женщин есть кто, делалось невозможным.

Процессия медленно продвигалась к основному месту событий. По мере приближения толпа становилась плотнее. Дионизио поразило, что почти каждый на пути процессии пытался ухватить одну или нескольких из жертв. Бросали овощи, грязь, плевали. Музыкант замер. Боже! Точно так же и Он шел сквозь строй ненавидящей и жестокой толпы. Ради кого? Цепь нелюдей, кривящих гнилые рты и щурящих больные гноящиеся глаза... Ради них Всевышний отдал своего Сына?

Какой-то здоровяк сильно толкнул Дионизио в бок с окриком: «Ну, чего рот раскрыл! Не мешай людям!» Людям... Рука невольно потянулась к ножу, но, опомнившись, Дионизио просто отошел. Процессия скрылась из виду. Он побежал к площади. Все тело напряглось, как у собаки в погоне за дичью. Нужно прибежать на площадь раньше. Он должен пробраться к эшафоту так, чтобы Анна увидела. Он должен оказаться рядом. Он откинет поленья, вязанки хвороста и спасет ее.

Добежав, Дионизио с ужасом увидел – площадь забита зеваками, и к эшафоту не протолкнуться. К тому же везде стояли гвардейцы. В толпе смеялись и шутили, плевались и ругались на чем свет стоит, жевали и отхлебывали. Площадь источала запахи плоти и еды. Из распахнутых окон разноцветных домов, обрамляющих площадь, торчали головы вельмож, кои поль-

зовались привилегированным положением и арендовали комнаты с видом на эшафот. Толпились мужчины, женщины, дети. Дети... Он вспомнил, что шестнадцать лет назад здесь казнили некоего философа Бруно и тоже привели много детей. Все верно. Если с детства приучать к смерти, она перестанет вызывать ужас, как по отношению к другим, так и по отношению к себе. Макабр становится таким же привычным, как и гальярда.

Показалась процессия. Гул затих. Цепочка из четырех жертв в окружении солдат появилась на площади. Зеваки принялись подниматься на цыпочки, толкаться, чтобы лучше рассмотреть, что происходит в начале площади. Появился здоровенный детина в черном одеянии, оживший минотавр, только, что без рогов. То был штатный палач Вечного Города, приглашенный из Германии старший сын Мастера Франца нюрнбергского. Как и полагается, *carpifex*, как настоящий артист, всегда выкладывался полностью, чтобы порадовать зрителей и сделать зрелище незабываемым, чтобы о нем вспоминали долгое время, от этого еще зависела прибавка к жалованию. Когда жертвы приблизились к эшафоту, он поднял группу из четырех невесомых тел, словно связку пуховых подушек, и установил возле столба, торчавшего из огромного стога вязанок хвороста, обложенных крепкими поленницами. Это вызвало бурный хохот толпы. У Дионизио перехватило дыхание, он сглотнул нестерпимо приторную слюну. «Этот первый», – он попытался прорваться ближе, что оказалось невозможным.

К женщинам подошел монах. Площадь притихла. Монах спросил каждую, кается ли она в грехах, и, получив кивок ото всех, кроме одной, которая попыталась плюнуть ему в лицо, поспешил прочь, будто боялся, что подожгут вместе с приговоренными. На эшафоте появился глашатай в пестром одеянии и начал зачитывать, успев ухватить рукой шляпу, которую едва не сдул порыв ветра:

– Лючия Полетти! Обвиняется в колдовстве! Приговорена! – толпа радостно проулюлюкала. – Селена Марелли! Обвиняется в колдовстве! Приговорена! – взрыв радости публики. – Мария Шико из Прованса. Обвиняется в ереси. Приговорена! – возбуждение людской кучи дошло до экстаза. – Анна Ста...

Шум стоял невообразимый, и лютнист не разобрал слов. Он осмотрелся. Рядом стоял толстяк с большим куском фокачча с сыром.

– Что он сказал? – нервно спросил Дионизио.

– Что, что! Приговорена! Ведьма! – радостно ответил тот.

– Кого именно? Как назвал?

– Да какая разница! – взревела туша, которую отвлекали от зрелища. – Анна какая-то там.

– Стампи? – с испугом произнес музыкант.

– Да кто их там разберет. Может, и Стампи. Или как еще там. Да отстань ты! – рявкнул мужичок и угрожающе посмотрел.

Одна из приговоренных опустила голову, и из-под капюшона рассыпалась прядь каштановых волос. «Анна!»

Верзила-минотавр подошел к вязанкам с горящим факелом и поднял его над головой. Толпа взревела, будто грешники вскричали во всех кругах ада. Палач быстро обошел каре из вязанок хвороста и поленниц, поджигая со всех сторон. Над площадью взвился сизый столб дыма!

Дионизио стоял в полном оцепенении.

– Хорошо им, – проскрипел над ухом голос.

Дионизио резко обернулся. Старуха.

– Как же это хорошо? – он еле ворочал сухим языком.

Старуха продолжала, будто получала удовольствие, комментируя события.

– Страдать меньше будут. Умрут до того, как сгорят. От дыма. Да и хворост сырой. Это не то, что галльский костер, на котором Орлеанскую Деву сожгли. Там видно, как тела полыхают. Этих пощадили, на большой костер приговорили. Видать, раскаялись, грешницы.

Невдалеке грозным раскатом город накрыл гром. Шум на площади существенно стих. Над столбом взвился выюном серый дым, закорчились языки пламени. Толпа опять взорвалась неистовым криком.

– Anna, essomì qui! – Дионизио не услышал сам себя, но люди вокруг замолчали, и он почувствовал их хищные взгляды. Рука потянулась к ножу. Он ощутил себя затравленным животным. Сладковатый привкус опять наполнил рот и высушил язык. Он им всем, каждому на площади, отомстит за Анну. Раскатившийся всеобщий вздох отвлек рядом стоящих горожан на взметнувшиеся огромные языки пламени, толпа отвернулась. Площадь обдало запахом серы.

Дионизио огляделся. Старухи след простыл. Толстяк рядом кусал фокачча, другие тянули шеи и вставляли на цыпочки. Вокруг горохом рассыпалось: «Stanno bruciando! Stanno bruciando!» Палач подошел к кострищу и железным багром отодвинул несколько вязанок, которые еще не сгорели. Площадь хором выдохнула: «Ах!» Толпа наблюдала, как горят тела жертв, привязанных к столбу бурой от жара цепью. «Горят! Горят, ведьмы!» – в невообразимом экстазе шипело вокруг Дионизио. Огонь взвился вверх со всей мощью, увлекая за собой сноп искр и пожирая все, что сегодня приготовили на съедение. Поленья трещали и хлопали смолой. При каждом хлопке плебс радостно улюлюкал, думая, что это лопается кожа ненавистных колдуний.

Стало очень жарко, народ, что ближе к огню, начал тесниться назад, выталкивая с площади тех, кто поодаль. Последние же, стоящие по краям, оказывали сопротивление, желая продолжения развлекательного зрелища. Вспыхивали стычки.

Внезапно лиловый столб пламени вырвался из середины эшафота, унося в пространство Вечного Города нечеловеческой природы вопль. Людское полчище оцепенело. В оглушительную пустоту, наполненную диким животным страхом, ворвался страшной силы раскат грома, ударивший прямо над площадью. Толпа с безумными криками и воплями бросилась прочь.

Лавина подхватила Дионизио, понесла, как невесомого, и бросила на землю уже на приличном расстоянии от места разыгравшейся трагедии. Он сел на вымощенной булыжником улице, откинувшись спиной к стене дома, придерживал рукой шляпу, которую так жаждал сорвать неумолимо жестокий и безразличный ветер, и в беспамятстве смотрел перед собой, едва различая ноги, мелькавшие перед глазами. Звуки пропали. Перед взором стоял беснующийся, жадный огонь. «Его надо загасить!» – Дионизио вздохнул, совсем не помышляя сдерживаться. В момент разверзлись хляби небесные, и хлынул дождь.

Музыкант, прислонившись к стене, сидел на мостовой, поглощенной ливнем, и плакал навзрыд. Не шумел дождь, не кричала толпа, не топали ноги, месившие воду, не было очередного раската грома, гнавшего городскую чернь прочь. Ничего этого Дионизио не слышал. Сгорбленный, прихрамывая на одну ногу, он медленно побрел против потока толпы. Ему очень важно сейчас не стать своим в этой чужой своре, потому как он ненавидел буквально каждого, кто бежал навстречу и оказывался частью этого людского роя.

Пройдя пару кварталов, он вновь обнаружил себя на площади, где лежали чадающие несгоревшие поленья, неиспользованные вязанки хвороста. Несколько кривых фигур убрали в холщовые мешки останки и пепел, другие разбирали эшафот. По периметру группами сучали гвардейцы. Ошеломленный спокойствием площади, будто здесь ничего не произошло и часа назад, он смотрел на них, и тут ему стало дурно. Дионизио поспешил прочь на берег Тибра. Здесь дул холодный ветер, и немного полегчало. Музыкант стоял, низко склонившись над водой, и тяжело дышал, пытаясь сколько-нибудь взять себя в руки.

– На тебе ж лица нет! – это снова она. – Что ж так убиваешься-то, сынок?

– Зачем? За что? – Дионизио с трудом обернулся и хотел схватить старуху за одежду, но остановился, все-таки женщина. Тряхнул за плечи.

– За что сожгли-то? Знать, было за что, коли сожгли.

– Но она за всю жизнь никому ничего плохого не сделала! – в отчаянии встряхнул старуху Дионизио.

– Эх, мил человек. Сын Господень тоже никому ничего плохого не сделал, а его распяли. За любовь к людям люди же и убили.

– И она, понимаешь, она тоже любила! Она за любовь погибла... – Дионизио отпустил старуху и ладонями вытирал нескончаемые слезы с мокрых щек.

– Ишь ты, из-за любви... – старуха встряхнула черными волосами, и ее пустой взгляд стал внимательным.

– Вот именно. Понимаешь, она любила меня, потому не выдала мою тайну. Она вообще из-за любви ко мне согласилась сделать ее и своей тайной! Понимаешь? Она собой пожертвовала ради меня. Не это ли и есть – любовь?

– Тайна-то, небось, греховная? Значит, на себя грех взяла.

– Какой же это грех – отвести навет на человека?

– Это ж как понимать?

Дионизио не заметил, как обессилел плач, перестало трясти. Разговор вывел его из состояния протрации.

– Да вот так и понимать, как есть. Перехватил я бумаги с наветом на синьора Галилея и попросил Анну спрятать. Она отказать не могла, так как и меня крепко любила, и синьора Галилея любила. Она не выдала эти бумаги, даже когда ее в замок увезли!

– Как же это она и тебя любила, и синьора этого любила!? Это ж грех-то какой! Вот и сожгли, – не унималась старуха, хотя по интонации Дионизио показалось, что она испытывает его.

– Синьор Галилей ученый, и она очень любила науку, ей нравились его идеи. А меня она любила как любящая женщина, понимаешь?

Дионизио осекся на последнем слове. Старуха рассмеялась:

– А то ж не понимаю, прожив столько на свете. Всякого повидала.

Наступила неловкая пауза.

– А ты-то, любил ее? – прервала паузу старуха.

– Эх... да что теперь, любил, не любил, – Дионизио опустошенно потер рукой лоб. – Я как ослеп. Подставил под удар. Как же можно под удар любимого человека подставить?

– Это ты по глупости. Доверял, видимо, только ей, вот и побежал бумаги прятать к тому, кому больше всего верил.

– Да... по глупости... Значит, не любил так, как она меня. Я ее под удар, а она, ради меня, на костер, – последнее он проговорил медленно, словно пробуя каждое слово на вкус.

Вновь возникла пауза. Каждый выговорился.

– И не похоронить-то теперь по-человечески, – тоскливо блуждая полубезумным взглядом, произнес Дионизио.

– Пепел развеют. Пепел – ничто, так, пыль. Душа ее, если чиста, как ты говоришь, в раю пребывать будет. Молись за нее. Крепко молись.

– Конечно, буду. Только это и остается.

– Не только. У тебя еще дело есть. Ох, сложное... – протянула старуха последнюю фразу.

Дионизио покачал головой. «Ей-то откуда известно, если сам не знаю, что дальше?» Он обернулся. Пусто. Быстро огляделся. Старухи как след простыл. «Вот уж точно, ведьма». Вокруг никого, если не считать пары мужчин и группы детей, быстро шедших вдоль берега. Проехала карета. «Что же она имела в виду? Какое еще дело?» Музыкант побрел прочь от несчастного замка, рассуждая о беседе со старухой.

Темнело. Северный ветер с реки продувал сквозь плащ до самых костей. Домой идти совсем не хотелось. Оглядевшись, Дионизио обнаружил, что находится на *via della Pelliccia*, недалеко от *Santa Maria in Trastevere*. Вот оно что, он рядом с аптекой. По улице мелькали тени.

Мелькнула и знакомая шляпа. Дионизио решил проследовать за обладателем шляпы и вскоре оказался возле небольшого кабака. Шляпа скрылась за дверью. «Наверное, можно пропустить кружку-другую, чтобы согреться и набраться сил».

В кабаке стоял гвалт. Разогретая напитками публика, крепко бранясь, обсуждала сегодняшнее событие. На этот раз Дионизио безучастно воспринимал болтовню подвыпивших мужчин. Подошел юнец, сын хозяина заведения, и принял заказ – прошутто и кувшин домашнего красного. Дионизио не вслушивался в гомон, лишь автоматически опытным музыкальным слухом вычленил фразы говорящих, словно звуки отдельного инструмента из оркестра. Большинство обсуждало действия палача. Некоторые пытались найти причину грома, разогнавшего толпу. Принесли снедь. Дионизио наполнил кружку и влил содержимое в себя. Домашнее красное теплотой разлилось по телу. Мясо же он ел апатично, не разбирая вкуса и запаха. Выпил еще кружку.

Из угла донесся знакомый голос:

– Ни черта вы не понимаете! Не была она ведьмой! Это ее музыкант-любовник подвел со своими интригами.

Дионизио резко обернулся. За столом в углу сидело трое мужчин, одного он хорошо знал. Это Антонио, из Папской аптеки. Двое других пытались оспорить тезис, что хозяйку сада при аптеке, Анну, сожгли ни за что: «Святые отцы ошибаться не могут». Раз сожгли, значит, было за что. Антонио не сдавался и порой переходил на повышенный тон. «Тоже, видишь, переживает. Хотя, что тебе, аптекарь, до Анны. Ты не разделял ее идей». Дионизио отпил вина.

Взгляд упал на знакомую шляпу. «Массимо! Мальчишка! И этот в кабаке! Ух, юнец, не рановато ли?» Молодой человек сидел за маленьким столом один. Парень вжался в стул, наверное, чтобы его не увидели. Ну да, отец, знатный сапожник, узнает, мало не покажется. Дионизио обратил внимание, что юнец не отводит взгляда от какого-то посетителя. Линия, мысленно проведенная в ту сторону, уперлась в Антонио. «И чего мальчишка так всматривается в аптекаря? Прямо испепеляет взглядом».

Прошло четверть часа. Антонио поднялся из-за стола со словами, что пора идти, чтобы Лючия, его жена, не слишком бранилась. Подав несколько монет мальчишке-официанту, аптекарь напялил шляпу и направился к выходу. Лишь только дверь закрылась, поторопился к выходу и Массимо, расплатившись за трапезу. Дионизио стало очень любопытно, что затеял юнец, и он тоже покинул питейное заведение.

На улице – темно и безлюдно. Ветер хлестал дождем по лицу. Антонио, пошатываясь, двигался в сторону аптеки на piazza della Scala, 23. Чуть поодаль по другой стороне улицы крался, кутаясь в плащ, молодой человек. «Зачем Антонио после кабака пошел в аптеку? И что затеял Массимо? Что-то не так». Вскоре они оказались на площади возле аптеки и церкви босых кармелитов. Как только аптекарь взялся за ручку двери, Массимо вышел на середину улицы:

– Эй, Антонио!

Тот резко обернулся, явно не ожидая кого-либо увидеть.

– Это я, Массимо.

– Ты чего, Массимо, следишь за мной? – Антонио зашелся кашлем.

– Да. Я все знаю. Я знаю, кто предал Анну, – юноша указал на аптекаря пальцем.

– Ты, Массимо, смотри, не заговаривайся. Что ты знаешь?

– Ты написал донос на Анну. Только ты мог это сделать. И я это докажу.

– Что-о-о? – протянул недоуменно аптекарь и отпустил ручку, за которую судорожно держался.

– Нас было четверо, в лавке у Джованни, когда Дионизио рассказал о бумагах. И как только он сказал, что вечером принесет их Анне, ты вдруг вскочил и убежал. Побегал донос писать.

– Да ты что плетешь? Ты пьян! – Антонио перешел на угрожающие интонации. – Пошел вон отсюда, молокосос! Иначе...

– Иначе что? Убьешь меня? – Массимо шагнул в сторону аптекаря. – У меня есть доказательства. Ты – предатель Анну! Ее кровь – на тебе!

Массимо распахнул плащ и достал большой тесак, направив острие в сторону опешившего старика.

– Это он украл бумаги, которые принесли мне, это он отдал их Анне, – аптекарь махнул в сторону. – Это бумаги для Ватикана! Это он убил Анну! – язык Антонио заплетался от количества выпитого вина.

– Дионизио? Бумаги – приговор для синьора Галилея! И ты к этому причастен.

– Что ты несешь! – Антонио сделал шаг в сторону Массимо, но наткнулся взглядом на нож.

– Да, я знаю! Мне Дионизио рассказал!

– Что? Что! – на вдохе закричал Антонио, захлебываясь этим «что». Внезапно он схватился за грудь, обмяк и упал на колени, словно мешок.

Массимо подошел к старику, раскачивающемуся на коленях. Одной рукой аптекарь оперся на мостовую, другую прижал к груди.

– Не убивай, – прохрипел Антонио.

– Массимо! – раздался жесткий окрик Дионизио. – Не надо!

Старик и юнец от неожиданности замерли.

– Ты... – сипло зашелся старик. – Ты все слышал?

Дионизио подошел к задыхающемуся Антонио и склонился, положив руку на плечо аптекаря:

– Массимо прав. Это ты написал донос.

– Ты... Ты украл... бумаги....

– Да. А ты соучастник заговора против синьора Галилея и кардинала Беллармино.

Аптекарь склонил голову, едва держась на коленях.

– Преис... подняя... – прерывисто хрипел он.

– Что? Преисподняя? – зло переспросил Дионизио. – Ад? Конечно. Тебе нет места в раю, Иуда.

Антонио из последних сил обхватил шею музыканта и притянул его ухо к губам.

– Это ты нас всех убил... Найди бумаги... Найди и... – он закашлялся.

– Что и? Что? – прошептал музыкант.

– И... – прохрипел аптекарь Папской аптеки при монастыре кармелитов, что на piazza della Scala, 23, Антонио Капелли и упал на мостовую. Ветер подхватил его большую шляпу и покатиł вниз по улице.

Массимо и Дионизио стояли над стариком. Молчали. Не сговариваясь, взяли тело под руки и оттащили к ступенькам монастыря. Раздалось шарканье. Дионизио поднял голову и едва различил человеческую фигуру. Присмотревшись, музыкант узнал черноволосую старуху в ветхом платке, черной юбке и с покореженной временем палкой в руке. Дионизио подхватил парня за руку, и они быстро пошли прочь с площади в сторону реки.

– Н... Н... – Дионизио с силой выдохнул. – Надо уходить. Тебе, Массимо, нужно срочно покинуть город. Лучше даже Италию.

– Почему? – по-мальчишески удивился юнец.

– Если уж я в кабаке понял, что ты выслеживаешь Антонио, то и еще кто-нибудь мог это понять. И возле аптеки ты спектакль устроил шумный. Н... Н... Наверняка зрители были, – он огляделся. – Обвинят в убийстве – жизнь сломана. Так что, срочно уезжай.

Сбиваясь на бег, они перешли Тибр.

– Есть возможность? – отдышавшись, спросил Дионизио.

- У меня знакомые в Остии. Моряки. Они на Мадагаскар ходят.
- Отлично. Я дам тебе денег. Н... Н... Немного, но на первое время хватит.
- Странно...
- Что именно?
- Никогда не замечал, что ты тарталя.

Колизей остался за спиной, и вскоре они оказались на *via Vassina*.

– Все, Массимо. Вот тебе деньги, – Дионизио достал туго набитый небольшой шелковый мешочек и вложил в руку юному спутнику. – Старайся много не говорить. Если в Остии возникнут трудности, н... н... найди там Джузеппе Конти, лютниста. Скажешь, что я просил помочь. Теперь ступай.

Массимо развернулся и направился прочь, но остановился и обернулся:

- Дионизио...
- Что? – Дионизио стоял, не отходя, на том же месте.
- А ты?

– Я? – этот вопрос ошарашил, так как еще не обдумывался. – Не знаю. Мне тоже здесь делать нечего. Хорошо бы бумаги забрать. И я уеду из города.

Массимо понимающе кивал.

– Что-то еще?

– Скажи. Ты любил ее? Я видел, как она тебя любила. А ты ее? – Массимо напряженно вглядывался в лицо лютниста и взволнованно дышал.

Дионизио прикусил губы почти до крови. Черная тоска снова ледяной рукой схватила за сердце. Что он мог сказать этому пылкому юноше, безответно влюбленному в Анну. Антонио прав: это он, Дионизио, принес бумаги, которые и погубили ее. Но и старуха оказалась права.

Массимо развернулся и побежал прочь в ночную темень, заполненную дождем, ветром и неизвестностью.

Музыканта затрясло от холодного дождя, который все не унимался. Капли стекали по лицу, попадали в глаза и рот. Он достал из кармана платок и вытер лицо.

* * *

Денис открыл глаза. Моросило. Он вынул платок, вытер лицо и обнаружил себя под маркизой кафе на *Campro dei Fiori* по левую руку от Бруно. Совсем рядом под черным зонтом прошла афроитальянка в белой куртке и юбке-волане, не отрывая взгляд от застывшего философа, и любопытствующие туристы в разноцветных пальто и легких шарфах. Молодая официантка склонилась у столика и, сжимая руки, тревожно тараторила. Денис мотнул головой: какая нетипичная для Рима внешность – светлые кудряшки обрамляли ангелоподобное личико, а голубые глаза смотрели с сочувствием. Девушка перешла на английский.

– Как вы себя чувствуете, синьор? Вам нехорошо? – нарочито четко произнесла она каждое слово.

- О, простите. Видимо, я вздремнул, – смутился Денис.
- Вы совсем промокли. Если хотите, можете перейти в помещение.
- Да, пожалуй. Спасибо, синьора.

Девушка взяла чашку, блюдо, и Денис расположился внутри кафе. Стало теплее, трести перестало.

«Что же это сейчас было? Господи... Что я сейчас видел? Кошмар какой-то», – пронеслось в голове. Денис ощущал раздвоение сознания. Все, что он наблюдал, пока пребывал в непривычном состоянии, ощущалось отчетливо и физически реальным, происходившим

«на самом деле». «Боже... Это же казнили ту самую Анну Стампи?!» Он попытался вспомнить, что предшествовало внезапно нахлынувшему видению.

«Так, успокоились, – скомандовал он себе. – Давай вспоминать. Все, по порядку. С чего все началось. Помнится, тринадцатого января...»

Начало

Морозным зимним вечером тринадцатого января в год столетия русской революции из главного здания Санкт-Петербургского Университета неспешно вышли двое, чинно ведя беседу. Первый – невысокий и неприметный с виду человек лет семидесяти – Игорь Сергеевич Вульфийус, доктор наук, профессор и бессменный директор одного из музеев при СПбГУ. Его широкое добродушное лицо нисколько не портила оттопыренная нижняя губа, хотя тяжелые складки у рта делали общее выражение скорбным и склонным к постоянным раздумьям. Взгляд небольших глаз сообщал о прямодушности натуры и привычке разговаривать уверенно и без обиняков. Высокий лоб, увенчанный седой шевелюрой, пересекала большая горизонтальная складочка, а к вискам разбегались лучиками морщинки. Черное узкое пальто с поднятым воротником дополняли широкий шерстяной шарф в крупную клетку и кепка сходной фактуры. В руках он держал черный кожаный портфель.

Сопровождал его Денис, кандидат наук, темноволосый, харизматичный, с живыми и умными серо-голубыми глазами. Он слушал крайне внимательно, лишь изредка темные ресницы чуть подрагивали, и возникала доброжелательная улыбка. В глаза бросалась тонкость профиля, нос с аккуратной, но заметной горбинкой и изящная линия лба. Небольшая ямочка на твердом подбородке добавляла обаяния, а четкое очертание губ и ясное выражение глаз говорили о всеобъемлющем интересе не только к теме разговора, но и к жизни как таковой во всех ее проявлениях. Темное элегантное пальто и шелковый шарф сообщали образу истинно петербургскую скромность.

Мужчины не спеша повернули к Меншиковскому дворцу. Беседа шла о Галилео Галилее. Пару часов назад Денис прочел лекцию о «Процессе над Галилеем», и теперь наставник и ученик обсуждали свершенное. Игорь Сергеевич являлся автором многих серьезных исторических исследований в сфере истории науки. Среди всех объектов его трудов, будь то Коперник, Френсис Бэкон, Лавуазье или Менделеев, наиболее интересным героем представлялся Галилео Галилей. В рамках различных мероприятий профессор прочитал уйму лекций об этом весьма неординарном ученом.

– Хочется, – говорил Вульфийус, – чтобы вы усилили акцент на следующем – Галилей ни с какой церковью не воевал и богоборцем не был, как часто представляют. А отречение нельзя трактовать как предательство по малодушию или по какой еще причине.

Вечер выдался на редкость сухим, чтобы не запачкать ботинки и не огибать лужи и сугробы-смеси снега с песком. Собеседники пересекли Румянцевский садик и оказались на Третьей линии.

– Я прекрасно понимаю, – прервал небольшую паузу профессор, – что в таких форматах мы ограничены во времени. И все же, нужно концентрироваться на самом важном, а не разоблачать устоявшиеся мифы. В конце концов, не так принципиально, бросался Галилей с Пизанской башни ядрами или нет. Важна суть. Папу Урбана VIII беспокоило не то, как Галилей трактовал любую, подчеркиваю, любую научную теорию, не только Коперника. А именно – Галилей оценивал научные теории в рамках бинарной оппозиции «истинное – ложное». В глазах Папы Галилей провинился в том, что посмел, – на этом слове мэтр сделал акцент и поднял многозначительно указательный палец вверх, – утверждать, будто научная теория, заметьте, любая научная теория может описывать реальность и раскрывать реальные, – он опять поднял палец к небу, – причинно-следственные связи, а это, по мнению понтифика, прямо вело к тяжелой доктринальной ереси. Отрицанию наиважнейшего атрибута Бога: его всемогущества. Для Урбана в этом и заключалась ересь тосканца.

Собеседники свернули в сторону Большого проспекта.

– Нам нужно, – увещевал профессор, – противостоять воинствующему дилетантизму. Беда не в том, что существуют два мира – мир культуры, знания и профессионализма и мир полу-знания. Так было всегда. Беда в том, что этот второй мир набирает силу и властные полномочия. Сегодня фантазии какого-либо вольного сочинителя или ученого из иной области науки украшают страницы якобы прогрессивных журналов или страницы интернета. Завтра они окажутся в списке рекомендуемой литературы для студентов, а то и школьников. Потом просто войдут в учебные программы!

За беседой ученые мужи прошли аптеку Пеля на Седьмой линии, перешли Большой проспект и вышли на пешеходную аллею. Утомившись от ходьбы, они присели на пустую деревянную лавку чуть поодаль фонтанчика напротив трехэтажного дома желтого цвета.

– Кстати, коллега, вы читали последнюю работу Дмитриева?

– «Упрямый Галилей»? Да.

– И что скажете?

Денис замялся, поскольку водил знакомство с исследователем истории науки и большим знатоком жизни великого тосканского ученого, двойным тезкой Вульфуса доктором наук Игорем Сергеевичем Дмитриевым. Как и подобает в таких случаях, мэтры находились в оппозиции друг к другу.

– Сильная работа. Меня впечатлила глубина и скрупулезность разбора взаимоотношений Беллармино и Галилея.

– Да, труд хорош. Но! – при этом Вульфус поднял указательный палец вверх и после мхатовской паузы спросил. – Обратили внимание, как освещена деятельность «Голубиной лиги»? Опять однобоко. Просто как некая оппозиция Галилею. И все.

Профессор разулыбался и огляделся, словно искал похвалы.

– А разве не так? – с досадой уточнил Денис.

– Все верно. Изначально – так. Как Дмитриев и пишет, спор Галилея с Коломбе и другими аристотелианцами дал толчок к созданию этой группировки консерваторов-перипатетиков, настроенной против новых идей в астрономии и физике. И вот тут, коллега, заметьте! Не просто против Галилея, а против новых идей! А теперь вспомните, я рассказывал о находке писем одного из членов этой «лиги» Рафаэлло Коломбе к Джованни Медичи.

– Да, про какие-то письма относительно Беллармино.

– Верно. Напомню. Рафаэлло спрашивал у Джованни, как лучше передать в Ватикан бумаги, указывающие на чрезмерную лояльность кардинала к идеям Галилея не по причине их верности, а потому как сам Великий инквизитор вынашивает замыслы относительно государства, церкви и наук.

– Да, припоминаю, – кивнул Денис.

– И оба из «лиги». Я вам так скажу – найти те бумаги оказалось бы бесценным.

– Мне представляется, что в отношении жизни и работы Галилея можно найти еще много интересного, не так ли?

Увлеченные беседой ученые не заметили, как рядом на скамеечку присел человек, чуть выше среднего роста, сутулый. Телосложение имел умеренное. Вдумчивый взгляд карих глаз и седеющие пышные волосы контрастировали с молодостью лица, а тонкие губы усиливали общую печальность выражения.

– Кстати, прошу вас, меньше уделяйте внимания переписке Галилея и Марии Челесты. Письма уничтожены, их нет. Надо быть аккуратным, чтобы не возбуждать авантюрные мысли у людей. К тому же, скажу вам, – продолжил Вульфус тоном, желающим оставить тему, – даже если бы сегодня и нашлись эти письма, ничего нового мы там не прочтем. И так уже все известно о позиции Галилея, о его взглядах на истину и аргументациях в диспутах. Они просто представляли бы собой весьма дорогую в финансовом плане музейную ценность, не более того. Собственно, как и оригиналы письма к аббату Кастелли.

– Это вы о недавнем заявлении Сальваторе Риккардо о находке в библиотеке Лондонского королевского общества?

– Именно.

Сидящий рядом незнакомец кашлянул.

– Прошу прощения, – мягким баритоном произнес он. – У вас такая увлекательная беседа. Я, кстати, только что с вашей лекции.

Денис приподнял брови и чуть кивнул. Игорь Сергеевич с любопытством посмотрел на неожиданного собеседника поверх очков.

– А вы, как я понял, тот самый профессор Вульфийус, автор захватывающих и подробнейших исследований взаимоотношений Галилея с Матерью, как вы изволите писать, католической Церковью? – незнакомец приподнял квадратный подбородок, и оттого выражение лица стало надменным.

Мэтр кивнул.

– К вашим услугам. А вы, позвольте, тоже интересуетесь Галилеем?

Мужчина несколько раз кашлянул:

– Можно сказать, и так.

– И что именно увлекает вас в ученом? Его творчество, философия? Личная жизнь? – из вежливости спросил профессор.

Незнакомец слегка улыбнулся.

– Пожалуй, личная жизнь. Я вот тут, так случилось, услышал отрывок вашей беседы о письмах.

– А, это, – Игорь Сергеевич сложил руки на груди, давая понять, что эта тема неинтересна.

– Так вот, вы мне, конечно, не поверите, но эти письма, правда, не все, но их часть, вместе с еще некоторыми бумагами, до сих пор целы и невредимы, – как бы самому себе произнес кареглазый. – Да, да. Они не уничтожены, а очень-очень хорошо спрятаны.

– Позвольте полюбопытствовать, откуда вам так достоверно известно? Их за четыреста лет не нашли. Это ж как надо было спрятать? – усмехнулся Игорь Сергеевич. – Вот видите, коллега, я вас об этом и предупреждаю. Надо быть очень осторожным с подобного рода информацией.

Все это время Денис пытался понять, как поступить. С одной стороны, внешний вид и манеры неизвестного не давали основания заподозрить неладное. С другой стороны, уж очень странные вещи он произносил. Действительно, откуда сей человек может знать судьбу столь далеких во времени и пространстве бумаг. Что-то не так. Наступила неловкая пауза.

– Прошу прощения, – промолвил Денис. – Вы, Игорь Сергеевич, безусловно, правы. Но, вы...

– Антон Семенович Волосов, простите, сразу не представился, – быстро произнес мужчина, слегка приподнявшись со скамейки.

– Но вы, Антон Семенович, почему так уверенно говорите? Есть серьезные основания?

– Безусловно, – сразу же ответил кареглазый.

– А вы, Антон Семенович, простите, кем работаете? – неожиданно поинтересовался профессор.

– А я аптекарь. Тут, на Седьмой линии, – махнул он в сторону Большого проспекта.

– Это аптека Пеля, что ли? – с удивлением уточнил мэтр.

– Она самая.

– И все-таки, – продолжил расспрос Денис, – каковы же ваши основания?

Тут Игорь Сергеевич, предчувствуя, что история склоняется в сторону клиники, встал:

– Коллега, я с вами прощаюсь до понедельника. Жду вас, как всегда, к шестнадцати часам. А сейчас, – он посмотрел на обоих, Денис при этом встал, – разрешите откланяться.

Пожав руку одному и кивнув учтиво другому, Вульфийус поспешил на метро, ибо ехать домой ему еще долго.

– Жаль, что он ушел. А вы хотите услышать мои веские основания?

– Пожалуй, что... – Денис смеялся.

С одной стороны, уже поздно, прохладно, завтра на работу. Да и что серьезного может рассказать неизвестный аптекарь, если над биографией и творчеством ученого работали такие мэтры? С другой, безапелляционность и уверенность незнакомца вызвали любопытство. Вдруг и в самом деле ему что-то известно. Но почему сам не ищет? Страшно? Чужими руками хочет? Если бумаги реально существуют, и есть шанс их найти, то-то фурор будет! Этикие заголовки в новостях: «Сенсация в мире науки! Учитель физики из Санкт-Петербурга обнаружил утраченные бумаги Галилео Галилея!»

«Чертики!» – молнией пронеслось в голове.

– Пожалуй, что да, хочу.

Этот город пропитан духом авантюризма.

– Ну, что же. Тогда приготовьтесь услышать очень неожиданные для вас вещи. А вы в Риме бывали? – спросил аптекарь.

– Нет, не довелось еще, – с сожалением ответил Денис.

– Ну ничего, это не испортит впечатлений. Итак... В Риме есть район Trastevere. Там на piazza della Scala, 23 при монастыре кармелитов существует замечательная аптека – Santa Maria della Scala. Ее история восходит к тысяча пятьсот двадцать третьему году, и появилась она из обычного монастырского огорода. Спустя время огород превратился в роскошный сад, аптека стала самой известной в Риме – Папской – ее жаловал Ватикан. Произошло это, когда делами аптеки занималась некая Анна Стампи с братьями, и разыгрывались известные события, связанные с Галилео Галилеем. И вот, однажды, когда луч утреннего солнца пробился сквозь паутину веток и листьев, прикрывающих окно комнаты той самой Анны...

Обыск

Луч утреннего солнца пробился сквозь паутину веток и листьев, прикрывающих окно комнаты Анны. Бесшумно соскользнул со стены на постель и коснулся нежной щеки пребывающей в томной неге хозяйки чудного сада и знаменитой аптеки. Находясь на вершине блаженства, она еще и еще раз вспоминала нюансы прошедшего вечера и ночи, сделавшие ее бесконечно счастливой. Всеми клеточками тела и фибрами души она ощущала серьезные перемены, случившиеся с ней, да что там с ней, в целом мире.

Упоение воспоминаниями бурных событий, инициатором коих она сама и явилась, прервал беспокойный шум со двора. Тон голосов выдавал тревогу, а топот многих людей говорил о случившемся в монастыре кармелитов переполохе. Анна решила не обращать внимания и сладко потянулась. Шаги за дверью разрушили идиллию. Тут же постучали.

– Кто там? – с леностью в голосе спросила Анна.

– Синьора Анна, прибыл прокурор инквизиции и с ним судьи, стражники и другие люди. Требуют вас, синьора.

– Инквизиция? – Анна вскочила, накинув шелковую ткань. – Иду. Немедля спущусь.

– Спасибо, синьора Анна, – ответил юношеский голос, и обладатель одного спешно ретировался.

Анна начала торопливо одеваться. Мысли роились в голове, толкались, сбивая друг друга, натывались одна на другую. Она едва попадала в рукава платья. Что произошло? Девушка уронила гребень и озабоченно оглянулась в поисках туфли. Почему вдруг прокурор инквизиции? С этим не шутят. Обычно, когда Его Святейшеству требовалось что-то из аптеки, приходил лекарь или посыльный. Но никогда из инквизиции.

Если обращались кардиналы, они не создавали столько суеты вокруг визита. Что-то случилось. Но что именно? «Массимо? Алхимия? Визит Дионизио? Бумаги? Никто не видел. Странно, все очень странно». Наконец она оделась и спустилась в сад, направившись к двери, что выводила на улицу.

Там ожидала большая группа людей. В красной сутане со стоячим воротником, застегнутой на множество мелких пуговиц, подпоясанной широким красным поясом, один конец которого опускался к земле, на скамейке возле двери сидел прокурор инквизиции, уперев руки в колени. Голову прокурора покрывала небольшая дзуккетто алого цвета. Рядом стояли трое мужчин с характерными стрижками в черных сутанах со спрятанными в широкие рукава ладонями – фискалы. С ноги на ногу перетаптывался настоятель, вид его выражал полную покорность и преданность. Анна быстрым шагом приблизилась к группе во главе с прокурором и увидела за открытой дверью на улице стражей из швейцарского корпуса. Там же ожидала большая карета с задернутыми плотной темной тканью окнами.

Подойдя к прокурору, Анна преклонила левое колено и, припав к протянутому перстню, спросила, не поднимая глаз:

– Ваше высокопреосвященство! Что побудило вас посетить нашу скромную аптеку лично?

Прокурор поднялся со скамейки и, чуть придерживая Анну под локти, помог выпрямиться.

– Синьора Анна! Как вы понимаете, мое личное присутствие здесь говорит о чрезвычайной важности и трудности сложившейся ситуации. Мы все попали в весьма щекотливое положение, – начал он.

– Неужели одна скромная синьора может поставить в неловкое положение столько достойных мужчин? – попыталась снять напряженность Анна.

– Синьора! Положение действительно серьезное. Вы и ваша аптека, ваш сад слишком популярны в Риме. Мы доверяем вам и с удовольствием пользуемся услугами аптеки. Мне бы очень хотелось, чтобы доверие осталось на прежнем столь высоком уровне. И потому я прошу вас отказаться от всякого легкомыслия. Мы знаем остроту вашего ума и умение серьезно вести дела.

– Да, ваше святейшество.

– Не льстите. Вам не к лицу. Вы знаете, как ко мне обращаться.

– Да, ваше высокопреосвященство, – отреагировала Анна, опустив глаза и чуть голову.

– Итак. Отныне я прошу вас, прежде чем что-либо произнести, очень тщательно, – это он проговорил с особым напором и поднятием указательного пальца вверх, – взвешивать каждое слово.

Казалось, даже пчелы перестали жужжать, и птицы расселись по веткам, чтобы послушать, о чем пойдет речь.

– Видите ли, синьора Анна, – начал речь прокурор, – у вас есть то, что вам не принадлежит, но то, что необходимо мне и его высокопреосвященству Беллармино.

Маска удивления покрыла лицо Анны.

– Да, синьора, именно так. Я полагаю, что вы стали невольным, а может, даже о том и не ведающим, соучастником очень нехорошего дела. Вас использовали. Если вы сами, добровольно, отдадите нам бумаги, – тут прокурор повысил голос и развернулся, – сегодняшнее событие станет совершенно незначимым, и мы – кто здесь находится, – его высокопреосвященство обвел рукой, – обо всем забудем.

При этих словах присутствующие, крестясь, склонили головы.

– Так, о чем идет речь, ваше высокопреосвященство? – со всей искренностью недоумения и любопытства прервала тишину Анна.

Понимая щепетильность ситуации, инквизитор повернулся к девушке и наклонился, чтобы услышала только она.

– Сегодня ночью вам передали бумаги. Очень важные для нас бумаги.

«Письма!» Анну пробила невидимая молния от макушки до пят. Она почувствовала, как задрожали губы и напряглись мышцы. Ворвался огромный рой мыслей, едва не приведя к головокружению. «Как? Как они узнали о письмах? Кто же мог донести? Они взяли Дионизио!» Попытки... Ломание пальцев... Крик от невообразимой боли... Губы вновь предательски дрогнули при мысли о боли, которую могли причинить ему, кого она практически боготворила. Голову сжало в висках, и Анне захотелось поднести к ним руки.

– Вы его пытали? – тихо спросила девушка, боясь услышать ответ.

– Кого? – совершенно спокойно произнес прокурор. – Нет, нам добровольно принесли три denunciations. Вас это удивляет?

– О нет, нисколько, – с облегчением ответила Анна.

«Значит, Дионизио не у них. Кто мог донести на нас?» Кто мог видеть их в столь поздний час в саду, да еще в ее подвале? Это нереально. Это уловка. Никаких бумаг никто не видел.

– Ваше высокопреосвященство, мне, кажется, желают навредить, – уже более спокойным тоном произнесла Анна.

– У вас есть враги? – притворно удивился прокурор.

– Не всем нравится, что я успешно веду дела в аптеке, коей пользуется и Ватикан.

– О да, совершенно верно. Более того, ваше поведение порой вызывающе. Но сейчас у нас нет сомнений в достоверности полученных сведений. Вернемся к теме, – прокурор глубоко вздохнул. – Отдайте нам добровольно эти письма. И ваша репутация не пострадает.

– У меня нет никаких писем, ваше высокопреосвященство.

– Синьора, – по-прежнему терпеливо и монотонно говорил прокурор, – вы помните историю Адама, которого соблазнила вкусить яблоко запрета жена его Ева?

– Я кого-то соблазнила? – опять решила пошутить Анна.

– Бог спросил Адама: «Адам, сын мой, где ты?» Адам же, с женой своей Евой, прятался в кустах, – слегка повысил голос прокурор.

– Да, помню, конечно.

– Не скажете ли мне, синьора Анна, почему всеведущий Бог трижды, – указательный палец прокурора взлетел вверх, – трижды спрашивал Адама, где он? Господь наш Бог разве не знал, где Адам и что сделал?

– Конечно, знал. Он же всеведущ!

– Тогда почему трижды спрашивал?

Анна в размышлениях пожала плечами. В чем подвох, непонятно.

– Так я вам скажу. Господь не только всеведущ, но и милостив. Он трижды давал Адаму шанс быть честным перед Творцом своим.

Анна не понимала, к чему ведет прокурор.

– Вот и я в третий раз вас прошу, отдайте письма, сами. В противном случае...

Прокурор развернулся, чтобы его услышали.

– В противном случае мы вынуждены будем использовать два *denunciations*, – речь прокурора замедлилась, – для обвинения вас в...

Взоры присутствующих обратились к нему, ожидая пока еще не официального обвинения. Только Анна смотрела куда-то вдаль через плечо прокурора.

– ... в колдовстве!

Над садом пронесся всеобщий вздох ужаса. Это было, пожалуй, самое страшное обвинение для женщины. Для любой женщины. Но для Анны – молодой, красивой, упрямой, с острым умом – оно предполагало единственный исход – костер. Присутствующие прекрасно знали, как быстро расправлялись с обвиненными в колдовстве и во Франции, и в Германии, и в иных странах. В отличие от заподозренных в ереси, колдунов судили безотлагательно. Так, процесс по обвинению в ереси, если только еретик добровольно не отрекался, начинался только через месяц после ареста. Дело по обвинению в колдовстве инициировалось сразу.

Прокурор специально сделал паузу перед тем, как озвучить характер обвинения. Если Анну обвинить в ереси, то у злоумышленников будет достаточно времени и возможностей, чтобы еще надежнее спрятать письма. Обвинение же в колдовстве означало, что до казни пройдет от силы несколько недель и времени что-либо сделать с бумагами не будет совсем. Потому прокурор рассудил, что правильнее припугнуть Анну именно обвинением в колдовстве. Малый срок разбирательства и неотвратимая жестокая казнь должны сделать ее сговорчивой и подтолкнуть к выдаче нужных документов.

– Итак, синьора. Бумаги или... – прокурор опять замолчал, чтобы все прочувствовали чудовищный вкус альтернативы.

Анна поняла, что попала в хитроумно расставленную ловушку. Если она отдаст бумаги, рано или поздно инквизиция доберется до ее возлюбленного. Но до того подвергнется риску синьор Галилей, которого так любит Дионизио, большой друг ученого. Если Дионизио схватят, его обвинят в государственной измене и предадут светскому суду. Это – пожизненное заключение, если не казнь. С другой стороны, если она сохранит спрятанные, как ей казалось, крайне надежно, бумаги, будет инквизиционный суд и самые страшные истязания для обвиненных в колдовстве – пытки и сожжение на костре. Девушка прекрасно понимала, что на волоске от смерти не только ее жизнь, но и жизнь, которая едва начала зарождаться в ней самой.

«Ваш выбор, синьора!» – долетели слова прокурора. «В колдовстве не обвинят, – продолжала лихорадочно думать Анна. – По приговору надлежит конфискация имущества. Вряд ли они разорят аптеку, которой пользовались столько лет. Да и к тому же, получается, что аптекарские услуги им оказывала ведьма? Смешно. Значит, это просто угрозы. Алхимия? Ересь? А это займет много времени. Тогда что-нибудь да придумаем», – молнией промчалось в голове.

– Никаких бумаг нет, – произнесла она с безразличием в голосе.

Прокурор удивился, что шантаж не подействовал:

– Но мы будем вынуждены обвинить вас в колдовстве? Вы же понимаете, это путь на костер.

– Вы хотите сказать, ваше высокопреосвященство, лекарства для Ватикана, которые вы потребляли, готовила ведьма? – с некоторой надменностью спросила Анна.

– У нас есть denunciations на вас! – уже несдержанно заговорил прокурор.

– Я на кого-то навела порчу? Кто-то умер от моих лекарств? Где-то произошли несчастья? – не унималась девушка.

– Чума в Тоскане, – ехидно спросил прокурор, – не ваших ли рук дело, синьора? Хватит препираться. Бумаги.

– Их у меня нет! – отрезала Анна.

Прокурор отвернулся. Выдержав паузу, он объявил:

– Синьора Анна не захотела добровольно разрешить сложившуюся ситуацию. Посему начинайте обыск. Ищите все, что может относиться к практике колдовства... – прокурор несколько замялся. – И к ереси.

Анна тихо произнесла:

– Вы мне не предъявили обвинение?

Наклонившись, прокурор тихо произнес:

– Предъявим по результатам обыска. Может, это будет государственная измена.

На обозленном лице застыла нехорошая улыбка. Тем временем несколько мужчин в черных сутанах из службы инквизиции двинулись от ворот по дорожкам, заглядывая под кусты и деревья.

– Они погубят весь сад! – возмущенно воскликнула хозяйка.

– Они будут осторожны, синьора, – громко произнес прокурор. – Ведь теперь мы не знаем, с кем имеем дело, – продолжил он насмешливо.

Мужчины неспешно двигались вдоль клумб. Ничего страшного не предвиделось, по размышлениям Анны. Ведь в саду даже инвентарь никогда не оставляли.

– А! – напряженную тишину разорвал почти нечеловеческий вопль. Все обернулись на источник жуткого звука.

Один из фискалов, пятясь назад, одной рукой будто отмахивался от невидимого чудища, а длинным артритным кривым пальцем другой указывал куда-то под куст. Лицо выражало крайний ужас, изо рта вырывалось нечленораздельное: «Э! О-о-о! А!!!» Отмахиваясь и пятясь, он опрометчиво наступил на небольшой камешек и грузно завалился назад, прямо на большой куст белой розы. Куст, будто не желая принять на себя тело мужчины, впился в него всеми шипами и иглами, прокалывая грубую ткань и кожу. К душевным травмам добавилась жуткая физическая боль, и фискал вновь завопил: «А-а-а!» И в тот же момент обмяк.

Все произошло так быстро, что никто не успел тронуться с места. Только после второго вопля ринулись на помощь.

– Что он там увидел? – командным голосом задал вопрос прокурор.

Один из мужчин подошел к кустам, где находилось нечто, напугавшее несчастного, отодвинул несколько веток и отшатнулся с тихим вскриком. Под кустом лежала сломанная пополам фигура одного из деревянных *bastardi*, что охраняли сад. Странная свернутая голова с длинным, задранном вверх напряженным носом и выпученными глазами в упор смотрела на присутствующих. Все невольно сделали шаг назад и начали истово креститься.

– Что за *brutto bambola*? – раздраженно воскликнул прокурор.

– Это мои *burattini*, ваше высокопреосвященство. Они охраняют сад.

– Да вы, синьора, идолопоклонница?! Разве не Господь Бог охраняет ваше заведение, сад, монастырь и вас? Вы доверяете более *legno idoli*?

Один из слуг подбежал к прокурору и зашептал на ухо.

– Отправьте беднягу во дворец и немедленно ему лекаря, – тихо ответил прокурор и обратился с угрожающими интонациями к Анне. – Молитесь, синьора, чтобы преподобный Джузеппе остался жить.

– Его может осмотреть наш лекарь, синьор Антонио, – с тревогой предложила Анна, понимая, что произошло что-то ужасное.

– Нет уж, благодарю вас, – отрезал прокурор.

Группа мужчин подняла страдальца с земли и на руках понесла на улицу.

– Жаль, но вы усугубляете свое положение, синьора, и вынуждаете нас использовать серьезные меры, – имитируя сочувствие, но все же с плохо скрываемым упреком произнес прокурор.

Анна перекрестилась. Оказавшись возле главной двери сада, она бросила взгляд на улицу и быстро осмотрела окружающих. Что-то неправильно, неестественно, не вписывается в обстановку. Она еще раз огляделась.

Станным выглядело лицо Антонио. Не выражало ни страха, ни удивления, ни иной другой эмоции, соответствующей происходящему. Было спокойным и даже довольным. Он испытывал удовлетворение от того, как разворачиваются события. «Странно, – думала Анна. – Почему Антонио так спокоен? Он? Но зачем ему обвинять меня в колдовстве? Сам принимал участие в приготовлении новых лекарств, поиске нужных ингредиентов. Искусно создает яды. Скорее его можно заподозрить в магии, а не меня. Может, увидел Массимо со странной обезьянкой? Нет. К тому времени из аптеки все ушли. Он не мог стоять на улице так долго. Да и никто не мог знать, зачем приходил Массимо. Обвинил бы в разврате, это понятно. Но в колдовстве?» За размышлениями она не заметила, как встретила с аптекарем взглядом. Антонио улыбался.

Ее осенило. Ну, да! Конечно же! Она вспомнила милую беседу в лавке мясника Джованни. Как только Дионизио обмолвился, что обладает письменными доказательствами правоты тосканского ученого, и что эти бумаги до поры до времени будут очень надежно спрятаны, синьор Антонио быстро удалился, странно сославшись на забывчивость. Все верно! У него великолепная память, он наизусть диктует рецепты. А тут вдруг что-то позабыл. Сейчас Анна поняла, то была уловка. Она вспомнила – после прибежал к ней соседский мальчишка Карло с сообщением, что синьор Антонио захворал и в аптеку к вечеру не придет. Почему это все тогда не удивило? Что за беспечность проявила она? Значит, именно Антонио выследил Дионизио. Сомнений нет – весь лукаво-хищный вид аптекаря демонстрировал полное удовлетворение развитием событий.

Мысли прервал приказной тон прокурора:

– Пойдемте в аптеку, продолжим.

Анна открыла дверь, прошла в середину комнаты и встала. Вошел прокурор. За ним трое фискалов, Антонио и двое неизвестных. Возле дверей остались стражники-швейцарцы.

– Начинайте, – скомандовал прокурор и сел в большое кожаное кресло, развернув его, чтобы видеть лицо Анны.

Фискалы приступили к неспешному осмотру стен, мебели, камина. Кто-то со звоном открыл склянку.

– Прошу вас, будьте осторожны. Неправильно смешанные ингредиенты могут привести к созданию яда. Не так ли, синьор Антонио? – Анна язвительно взглянула на аптекаря. Фискалы с напрягшимися лбами поспешили закрыть флаконы и склянки и с опаской поставить на место. Антонио кивнул.

Прокурор оглядел аптеку, обратил взор к потолку и увидел подвешенное там чучело. Чтобы лучше разглядеть предмет любопытства, его высокопреосвященство поднялся с кресла.

Не отрывая взора от чучела, он с большой осторожностью поднес к нему руку. Затем резко повернул голову в сторону Анны и спросил:

– Какое странное животное! Это, кажется, il caïmano, что водятся в Америке, не так ли?

– Совершенно верно, ваше высокопреосвященство, – ответила Анна, стараясь всеми силами скрыть наплывавшее густой душной волной смущение. – Этот экземпляр доставили именно из Нового Света.

– Странная форма у этой особи. Не обращали внимания? – задумчиво рассуждал прокурор, проводя рукой вдоль, как бы поглаживая животному бок.

– Да, это самка. Ее поймали, когда она готовилась к кладке. Прямо так и привезли. Яйца удалили уже здесь, – почему-то разговорилась хозяйка аптеки. Но ее рассказ вызвал, с одной стороны, профессиональное любопытство прокурора, с другой – некоторую безразличность чистюли.

– Поистине преступно отнимать жизнь у божьей твари, если она такового не заслуживает, – многозначительно произнес прокурор.

Оставив чучело в покое, он медленно водрузился в кресло. Обыск в аптеке ничего не дал, и прокурор заскучал. Видимо, придется опираться только на доносы. А это не очень приятно, поскольку доносы, как правило, служили инструментом сведения счетов. Другое дело, когда есть доказательства вины. Тогда бедолаге деваться некуда, как только признать ее.

Прокурор встал, когда фискалы дали понять, что закончили, и направился к двери. Как только он поравнялся с Антонио, последний что-то шепнул кардиналу на ухо. Его высокопреосвященство покинул и вышел обратно в сад. Остальные также покинули разворошенную аптеку. Прокурор направился к воротам, как вдруг резко остановился и обратился к Анне:

– А что это за дверца? – и указал на небольшую дверь в задней стене аптеки.

– Там у нас подвал, – поспешил ответить синьор Антонио. Обращенные к прокурору ресницы девушки дрогнули, и она едва шевельнула губами.

– Осмотреть и его, – приказал прокурор фискалам. – Синьора Анна, откройте, пожалуйста, дверь, проявите благоразумие.

Анна вытащила из-за пояса связку ключей, направляясь к двери, нашла нужный и открыла.

По узкой крутой лестнице все спустились вниз и оказались в той самой комнате, где прошедшей ночью Анна с огромным терпением, упорством и смелостью создала нужный ей эликсир. Комната была не столь просторной, как помещение аптеки, и разместиться в ней могли только его высокопреосвященство, Анна и два фискала. Антонио и остальные наблюдали за происходящим снаружи. Фискалы, помня о возможной опасности получить ожог от порошка или покрыться коростой от яда, начали с большой неохотой перебирать склянки, реторты и ступки.

Прокурор осмотрелся и обратил внимание на ступку весьма внушительных размеров – целую ступу, с увесистым пестиком. Он сделал пару шагов вперед, к шкафу из красного дерева, и внимательно рассмотрел предмет.

– Меня сделал голландский мастер Хендрик в тысяча шестьсот первом году, – медленно прочел прокурор надпись вдоль обода ступы. – Как любопытно, – не без интереса произнес он и внезапно метнул быстрый взгляд на Анну. – У вас в коллекции предметы со всего света, я смотрю.

– Да, ваше высокопреосвященство. Аптекари обмениваются предметами.

– А знаниями? – неожиданно спросил кардинал.

– Знаниями в меньшей степени, в отличие от ученых мужей, – с сожалением ответила властительница этого обиталища.

Раздался звон битого фарфора. Прокурор резко повернулся. Из рук фискала выпала белая чашка.

– Ничего страшного, – поспешила успокоить Анна. – Это всего лишь горчичный порошок.

Оставив в покое ступу, прокурор медленно перемещался по комнате, насколько вообще возможно передвигаться в его одеяниях. Через несколько шагов он оказался возле камина.

– А что камин теплый? – неожиданно спросил прокурор, круто развернувшись в сторону Анны. – Разве нынче ночи холодные?

Анна почувствовала, что губы предательски сжимаются, а руки слегка трясутся от нескрываемого волнения.

Возле камина на небольшом столике лежала толстая в черном кожаном переплете с золотыми украшениями книга. Как же так? Как получилось, что она не убрала этот старинный фолиант? Первый раз Анна что-то не убрала с глаз тех, кому это не предназначалось. Что же с ней такое произошло!

Кардинал осторожно перелистал несколько желтых, поеденных временем, да и не только им, полумертвых страниц. Он принялся медленно читать вслух:

– *Tolle philosophica mercurius calore, donec vertatur rubrum leo.* Латынь... Любопытно.

И кардинал углубился в чтение текста:

– Дигерируй этого красного льва на песчаной бане с кислым виноградным спиртом, выпари жидкость, и ртуть превратится в камедообразное вещество, которое можно резать ножом. Положи его в обмазанную глиной реторту и не спеша дистиллируй. Собери отдельно жидкости различной природы, которые появятся при этом. Ты получишь безвкусную флегму, спирт и красные капли. Киммерийские тени покроют реторту своим темным покрывалом, и ты найдешь внутри нее истинного дракона, потому что он пожирает свой хвост. Возьми этого черного дракона, разотри на камне и прикоснись к нему раскаленным углем. Он загорится и, приняв вскоре великолепный лимонный цвет, вновь воспроизведет зеленого льва. Сделай так, чтобы он пожрал свой хвост, и снова дистиллируй продукт. Наконец, тщательно ректифицируй, и ты увидишь появление горючей воды и человеческой крови.

В помещении повисла остро звенящая натянутой струной тишина.

Когда Анну уводили гвардейцы швейцарского полка, братья-кармелиты стояли вдоль дорожки, истово крестились и сочувственно, с нескрываемым страхом смотрели то на нее, то на прокурора, который уверенной походкой шел впереди хозяйки все еще великолепного сада. У ворот ждал Антонио. Приближаясь к воротам, Анна замедлила шаг. Проходя мимо аптекаря, на мгновение остановилась и взглянула ему прямо в глаза:

– Зачем?!

В ту же крохотную секунду она увидела, как зрачки Антонио стали расширяться, и в них разверзлась преисподняя. Когда лицо аптекаря деформировалось в лик Предателя, Анна горестно-отчаянным шепотом чуть хрипло вымолвила:

– Будь ты проклят...

Антонио моргнул, и ад захлопнулся.

Ученые и учителя

На улице совсем стемнело, и людей на аллее между Шестой и Седьмой линиями осталось мало, да и те спешили в метро. На скамеечке у фонтана сидели двое мужчин.

– Тучи застилали ночное римское небо, и в воздухе становилось невыносимо душно. Все предвещало сильную ночную грозу, – договорил Антон Семенович и замолчал.

Денис сидел, не шелохнувшись, пребывая в полном недоумении. Он не мог поверить в реальность описанных событий. То, что он услышал из уст незнакомого человека, походило на литературный рассказ или эпизод из фильма.

– Скажите, Антон Семенович, – выдержав паузу, все-таки спросил Денис, – это из вашей книги или сценария?

– Ну что вы, право. Все мною рассказанное – полная правда.

– И скажите еще, видели это своими глазами! – в голосе сквозило ехидство.

– Нет. Видел Антонио Капелли, и история эта восходит к нему и передается в роду Капелли от отца к сыну, от деда к внукам.

– То есть, все-таки, устная сказка, миф, семейная легенда, – уже спокойнее уточнил Денис.

– Мне ли вам напоминать легенду о Трое и Генрихе Шлимане, о государстве Саба и царице Савской?

– Я понимаю, к чему вы клоните, но что может подтвердить реальность этих событий?

– Я бы сказал, не что, а кто! – загадочно произнес аптекарь.

– Как это кто? Хотите сказать – кто-то жив с тех времен? – в голосе Дениса появились нотки не только удивления, но и раздражения. В самом деле, история начала заходить слишком далеко, и все очевиднее становилась ее ирреальность. Надо либо заканчивать беседу, либо помочь собеседнику вернуться в действительность. – Булгаковщина какая-то!

– Отчего же! В отличие от *virtuosi* мистики в этой истории именно так все и произошло.

– Да, да. Шаркающей кавалерийской походкой...

Антон Семенович рассмеялся.

– Вы знаете, уже поздно. Завтра рано утром на работу, – начал Денис.

– Да, да, – перебил его аптекарь, – вы правы. Давайте расходиться.

Мужчины встали, не совсем понимая, как именно им расстаться.

– Всего вам доброго, – первым сказал Денис.

– Спасибо, и вам успехов в работе, – печально ответил Антон Семенович.

Помолчав, добавил:

– Кстати, вы знаете, где меня искать. Здесь, на Седьмой линии. Аптека Пеля. Заходите, я буду рад поведать еще несколько историй относительно интересующего вас вопроса о бумагах.

– Вы знаете, где они?

– Нет, увы, нет. Но я знаю точно – они не уничтожены, а спрятаны.

– И спрятаны они этой самой Анной... – Денис попытался вспомнить что-то, связанное с персонажем рассказа.

– Анной Стампи.

– Да, да. Она спрятала?

– Да.

– Их так и не нашли?

Антон Семенович посмотрел на часы.

– Скоро закроют метро, я не успею домой. Загляните к нам в аптеку, когда будет время. Не пожалеете.

Антон Семенович развернулся и неспешно побрел вдоль аллеи, заложив руки за спину.

* * *

По маркизе постукивал дождь. Денис очнулся, отпил чуть подостывший кофе и усмехнулся.

«Никогда не разговаривайте с незнакомцами», да, Михаил Афанасьевич?»

Прищурился. «Выкинь я все это из головы тогда, – он невидяще посмотрел на Бруно, – была бы спокойная и неторопливая жизнь со своими тихими прелестями и радостями. А так, брат, вот с чего оно началось! И завертелось все вокруг аптеки Пеля! Точно! Я побежал домой искать те самые журналы!»

* * *

Несколько номеров журнала «Огонек» достались ему в наследство невесты от кого. После смерти родителей, разгребая вещи на чердаке дачного дома еще бабушкиной постройки, он нашел много раритетных печатных материалов. Среди прочего и аккуратно завернутые в льняную тряпку семь экземпляров «Огонька», датированные последними месяцами одна тысяча девятьсот пятнадцатого и первыми месяцами шестнадцатого годов. На последних страницах красовались рекламы и объявления аптеки Пеля. «Слава богу, не о геморрое», – мелькнуло в голове. Действительно, рекомендовались средства омоложения, средства для здоровья, все вполне достойное знаменитой аптеки.

«А потом позвонил...»

Шестнадцатого февраля раздался неожиданный телефонный звонок от старинного друга еще с начала «лихих» девяностых. Звонил Александр Куковьякиннен, историк и правовед, учитель, некогда коллега по школе, до тех пор, пока Денис не покинул оное заведение.

Надо сказать, несмотря на сложную финноподобную фамилию, Александр был типичным русским мужичком, чуть выше среднего роста, с круглым добродушным лицом и легким, подернутым благородной сединой «ежилом» на голове. Выступающий чуть вперед живот выдавал в нем ценителя пенного напитка, коим он мог побаловаться в конце напряженной недели в компании друзей или коллег. Когда Куковьякиннен улыбался или смеялся, он походил на «смайлик», сияющий с монитора компьютера или телефона. Приличное количество лет назад Александр и Денис любили по пятницам завалиться в какой-нибудь кабачок и тянуть долгие дискуссии на исторические темы или обсуждать тяжкую долю школьного учителя. Со временем посиделки становились все реже, и вот теперь, шестнадцатого февраля означенного ранее года звонок стал весьма неожиданным. Собственно, в самом предложении встретиться и пообщаться ничего необычного Денис не увидел. Впервые Александр сказал, что ему нужно проконсультироваться. Да еще по вопросам касательно истории. Такого раньше не случилось.

Семнадцатого февраля друзья встретились возле метро «Василеостровская» и, свернув со Среднего проспекта налево по Восьмой линии, быстро дошли до знакомого кабака «Толстый Фраер», где их любезно встретила золотоволосая официантка Лена, помнящая такие визиты еще со времен оных. Друзья заказали по бидончику «Жигулевского». Народу набилось много, посетители шумели, спорили о политике, о футболе, громко смеялись. Оба зала наполняла веселая тарантелла.

Мужчины затянули неторопливую беседу, которая по обыкновению продлилась порядка трех-четырёх часов, после чего двинулись в сторону метро. Однако Александр не захотел сразу уезжать, а предложил чуток пройтись по пешеходной аллее. Вечер располагал разгорячённых хмелем друзей к прогулке легким морозцем, безветрием и неспешностью.

Они добрались до фонтана, который зимой, конечно же, не извергал воды, но мрачной фигурой стоял на пути гуляющих горожан. Друзья присели на скамейку. Беседа текла небыстро, с философическими паузами.

– И все-таки я не понимаю. Вот скажи мне, как знаток, – чуть заплетаясь, спрашивал Александр у друга, – почему у нас в учебнике седьмого класса в разделе «Эпоха Ренессанса» говорится, что церковь жестко преследовала ученых, и многие пострадали. Я вот, кроме Джордано Бруно и Галилея, никого не знаю, кто бы пострадал. Вот ты мне можешь назвать еще кого?

– Ну... – задумчиво протянул Денис. – Надо уточнить, что значит – страдали? Бруно – да, пострадал. На его фоне Галилей отделался легким испугом.

– Коперника запретили, – напомнил Куковьякиннен.

– Ха-ха... Через семьдесят лет после издания и после смерти автора. И то, из-за бурной деятельности Галилео. Ох, уж и пострадал. Я бы еще назвал этого... врача испанского... Мигеля Сервета.

– А этого за что?

– Ну, для начала он умудрился поссориться и с католиками, и с протестантами. Проще говоря, Сервет проводил запрещенные церковью научные эксперименты, кои однажды натолкнули его на мысль, что учение о божественном происхождении мира может быть ошибочным. Сперва, ясно дело, он высказывался осторожно, но затем пошел вразнос. Сервет делал очень резкие суждения о Боге и роли церкви в меняющемся мире. Между прочим, – Денис многозначительно поднял указательный палец вверх, – его арестовали по приказу не Папы Римского, а Кальвина, а позже казнили.

Друзья солидно помолчали.

– Пожалуй, и все, – продолжил Денис. – Да и Бруно-то по-настоящему ученым не был. Так, фантазер необузданный.

– Так что, получается, Галилей не пострадал?

– Как сказать. Конечно, заставили человека отречься от идей. По крайней мере – публично. Это, конечно, страдание. Но от болезней он страдал куда более!

– Что ж, получается, церковь ученых не гнобила?

– А зачем ей это? – Денис пожал плечами. – Заметьте, дружище, среди отцов-иезуитов было очень много образованных людей, астрономов, не отвергавших Коперника, а также много сторонников Галилея.

– А зачем это в учебниках пишут?

– Ну, как тебе сказать... Саня, ты же понимаешь.

– Нет.

– Ну... Дураки.

– А у нас, на Руси, гнобили?

– А у нас, Саня, некого было. Потому и не гнобили. Кстати, Сошок, – усмехнулся Денис. «Сошок» встрепенулся:

– Что?

– Вчера был день рождения у него.

– У кого?

– У Галилея! Шестнадцатое февраля.

Наступила многозначительная пауза.

Прозвище «Сошок» Куковьякиннен получил в первые же годы работы учителем. Так к нему обращалась пышногрудая и могучих форм заместительница директора Галина Симонина, которая по-вологодски откровенно «окала». Одной из любимых фраз по утрам, когда она дежурила на входе, была «Сошок, пооди ж ко мне в комноу, возьми папочку-то и принеси ко мне, пожалуйста». С тех пор друзья стали подкалывать Александра Куковьякиннена «Сошком». Сам же «Сошок» относился к этому со свойственным ему весельем.

– Поздравляю, – сообразил «Сошок».

В тишине сыпал невесомый снежок, а в желтом свете фонарей казалось – движутся крошечные звездочки. Денис вспомнил, как несколько недель назад именно здесь он услышал невероятную историю о спрятанных бумагах Галилея. И рассказал историю некто Антон Семенович, аптекарь заведения Пеля.

– Сань.

– Да.

– А ты знаешь аптеку Пеля?

– Да. Она у тебя на Ваське, тут рядом. Вон там! – он махнул рукой.

– Это все?

– Старинная аптека. Ее жаловал Николай Второй.

– Типа, Папская?

– Что? – удивился Александр.

– Ну, императорская?

– Ну да. Поставщик Его Императорского Величества, – важно произнес Александр.

– Даже так?

– Да. Там на чердаке когда-то была мастерская художников. Потом пожар случился. А сейчас даже музей есть. Вполне так любопытненько.

Несколько секунд мужчины пребывали в раздумьях. Затем Денис поинтересовался:

– Ты был там?

– Ну да. Детей водил на экскурсию. А что ты вдруг спросил?

– Да так. Столько живу тут, а ни разу не заглянул. А ты, эвон, живешь у чертиков на куличках, а побывал.

– Странно, – удивился «Сошок». – Одно из самых мистических мест Питера. Столько мифов и легенд о нем!

– Да-а, – протянул Денис.

– Помнишь, про вашего брата-химика, Менделеева?

Денис, лукаво прищурившись, посмотрел другу в глаза:

– Про что именно?

Александр развел руками:

– Про то, как он открыл таблицу Менделеева.

Денис хмыкнул. Что-то никак он не мог припомнить сейчас легенду, связанную с великим ученым и аптекой Пеля.

– Напомни.

– Там вот как вышло, – важно сцепил пальцы на животе учитель истории. – В феврале тысяча восемьсот шестьдесят девятого года Дмитрий Иванович собирался выехать из Петербурга в Тверскую область по делам артельных сыро... – он запнулся, – выро... варо...

– Сыровялен, – помог Денис.

Историк замотал головой:

– Не... ща... сыро... – по слогам начал он, – ва-рен. Вот! Сыро-варен!

Денис кивнул.

– По делам сыроварен, – повторил Куковьякиннен. – Сам понимаешь, – уже увереннее разглагольствовал Александр, – в те времена такие поездки планировались загодя и основательно. Это не то, что сейчас тебе: купил билет, а не поехал, так сдал билет. И вдруг он отменяет поездку и на три дня пропадает для всех окружающих. Причем, как потом вспоминали очевидцы, перед тем самым открытием товарища Менделеева никто не видел. Он не выходил на улицу, а прислуга периодически слышала странные крики из комнаты.

– Открывал таблицу? – наклонился к нему Денис.

– Подожди... Самое любопытное, что и сам Пель в это время тоже пропал и ровно на те же три дня! Его сыновья в полицию заявляли, мол, пропал папа, второй день ищем. А потом – рраз, а он в алхимическом кабинете, спит. Три дня отсутствовал, а тут, – рассказчик взмахнул руками, – рраз, и спит! Понимаешь?

– Официальная версия: «три дня и три ночи, не ложаюсь спать, Менделеев проработал, пробуя сформулировать результаты своей мыслительной конструкции».

– А ничего, что накануне ваш брат-химик посещал именно Пеля?

Денис состроил удивленную мину, но затем быстро поддержал:

– Да, да. Вульфийус мне рассказывал, что Менделеев частенько заглядывал к Пелю. Но, говорят, не за лекарствами, а, знаешь, чтобы посидеть у камина, выкурить трубку, поспорить о «делах химических»...

– В тот раз оба на три дня и пропали. Так вот, говорили, что Пель провел Менделеева в будущее, где тот и усмотрел свою таблицу, а затем, вернувшись, как бы узрел ее во сне. Понимаешь теперь? – многозначительно закончил мысль Александр.

Повисла пауза. Воздушные перышки, слегка покачиваясь, устлали город тонким белым покрывалом, который поглощал все звуки и окутывал сидящих друзей таинственной тишиной.

– Да... – протянул Денис. – Неслабо мужички гульнули, аж на три дня.

Внезапно «Сошок» зашелся смехом и ткнул друга в плечо:

– Прямо, как мы с тобой!

Денис несколько раз усмехнулся.

– Не, Сань. Мы с тобой учительки, а эти – мужики ученые.

Куковьякиннен, продолжая заливаться смехом, подхватил:

– Так потому мы в другие миры и не ходим!

Редкие прохожие с удивлением поглядывали на немолодых веселящихся мужчин, которые подобно детям подначивали друг друга.

– А этот деятель, что доказал теорему века? – вытирая выступившие от хохота слезы, «Сошок» опять ткнул Дениса в плечо.

– Перельман? Да... И этот, говорят, посещал аптеку. На предмет цифрового кода Башни.

– А потом тоже, можно сказать, пропал. Закрылся в квартире и не пускает ни журналистов, ни друзей, ни коллег.

– В параллельный мир ушел! Ох...

Смех позволил несколько разрядиться. Успокоившись, но продолжая хихикать, Александр повернул голову к другу, взглянул в глаза и вдохновенно предложил:

– Пойдем?

– Сейчас? В аптеку? В таком виде?

– Нет! Домой.

– Пойдем, – после непродолжительной паузы, как бы взвешивая решение, сказал Денис. Мужчины встали и направились к метро.

* * *

«Ну ясно, откуда взялся этот Волосов. С ним все понятно. Но бумаги?! Почему вдруг возникли злосчастные бумаги?!»

От стеклянной двери кафе удалялись две размытые дождем фигуры. Неопределенные линии в окне напомнили, что на улице мокнет философ, навеки запечатленный в камне. Подошла уже знакомая официантка:

– Вам лучше? Вы забавно смеялись.

Денис смущенно кивнул и попросил еще кофе.

«Вот, значит, как оно. Волосов, аптекарь. Ну, рассказчик. И в аптеке историю мне выдал».

Ненавязчивый звон колокола вновь погрузил в воспоминания.
«Бумаги. Что он там рассказывал про них...»

Аптека Пеля. Визит первый

На следующее утро у Дениса явно появилась причина сходить в аптеку. Хотя в любую. Но он решил воспользоваться случаем и направился в ту, что на Седьмой линии в доме номер шестнадцать.

Массивная дверь с улицы открылась, как по мановению, сама, громко лязгнув замком. Поднявшись на этаж и поздоровавшись с охранником, Денис повернул направо и исчез за не менее массивной дверью, что и входная. Длинный широкий зал аптеки антуражем никак не соответствовал заведению подобного функционала. Высоченные шкафы красного дерева со стеклянными дверцами, прилавков той же фактуры, каменный пол с хитрой мозаикой, большие кожаные диваны вдоль огромных окон – все придавало эпохальность заведению, которому скорее подходило название «Поставщикъ двора Его Величества», нежели просто – аптека. По другую сторону зала располагалась витрина с овальным окошком наподобие билетной кассы. За окошком сидела статная девушка в черном свитере и белом сестринском переднике. Густые черные волосы, сплетенные в толстые косы, опускались на плечи. Наклонив голову, она писала, характерно двигая плечом.

Денис неторопливо изучал причудливую аптеку и экспонаты, выглядывающие из-за стекла. Ему показалось, что немалого размера гном с верхней полки центрального шкафа, то ли по-доброму, то ли хитро, подмигнул левым глазом.

Не поднимая головы, девушка спросила:

– Вы что-то хотите?

– Э... Да... Хочу.

– Спрашивайте, – голосом автоответчика продолжила она.

– Да мне бы, собственно, от головы что-нибудь.

Девушка наконец подняла глаза на посетителя.

– От головы?

«Чертики... Вот только спроси, чьей!» – подумал Денис.

– Чьей? – будто услышав мысли, поинтересовалась девушка.

Очень хотелось ответить нестандартно, но в больную голову ничего не лезло. Девушка чуть улыбнулась:

– Я поняла, можете не продолжать.

Она отвернулась и звонко прокричала:

– Антон Семенович! Это к вам.

Затем с широкой детской улыбкой произнесла:

– Сейчас будут.

Тем временем Денис уже стоял перед окошком и рассматривал странные предметы, разложенные на прилавке явно как экспонаты: сертификат тысяча девятьсот второго года на имя некоего человека, которому дозволяется иметь аптеку, склянки, запаянные ампулы, массивная книга в зеленом переплете. Заметив любопытство, девушка с гордостью произнесла:

– Это экспонаты нашего музея.

– Музея? – невольно вырвалось из уст Дениса, хотя он не любил переспрашивать.

– Да. У нас уже второй год работает музей. Мы собираем материалы, относящиеся к аптеке доктора Пеля и сыновей. У нас есть подвал, где он занимался алхимией, разные предметы, связанные с его работой. К сожалению, нельзя проводить посетителей к Башне Грифонов, но... Это такое загадочное место! – интонации девушки выдавали полное восхищение местом работы.

– А вы... – начал Денис.

– А я экскурсовод, Ольга.

Девушка встала. Человека, так гордившегося своей работой, Денис давно не встречал.

– Вы знаете, – Денис хотел поделиться информацией о найденных журналах, как вдруг со стороны основного прилавка раздался вопрос. Этот голос он уже слышал:

– Вы что-то хотели, мужчина?

Денис обернулся и увидел Антона Семеновича, того самого, что неожиданно вторгся в разговор с Вульфiusом, и того самого, что поведал странную историю в саду при монастыре кармелитов.

– Простите, Ольга. Потом договорим, – не глядя на девушку, сказал Денис без каких-либо учтивых интонаций и направился к аптекарю. Волосов скривился в улыбке.

– Мне цитрамон, пару упаковок, – достаточно сухо произнес Денис.

– И все? – сморщился Антон Семенович. – Более ничего не желаете?

Денис сам не знал, хочет он слушать сказки о жителях Рима семнадцатого века или лучше просто быстрее принять таблетки и заняться домашними делами.

Аптекарь извлек из ящика упаковку цитрамона и пробил через кассу.

– Я вам мог бы рассказать, кто, кому и когда передал те самые бумаги. Поверьте, они представляют огромную ценность. И историческую, и научную, да и... – тут аптекарь потер большой палец правой руки об указательный, сложив в горсточку остальные.

– Скажите, э...

– Антон Семенович.

– Антон Семенович. А почему я вам должен верить? – интенсивно потирая виски, спросил Денис.

– Можете не верить. Ваше право, – скривив уголок рта в улыбке, ответил аптекарь. – Но мне казалось, что вам, как человеку, занимающемуся историей, интересно узнать, а может и найти то, что считается пропавшим. Разве нет?

Соблазн, конечно, велик. Но одно дело, получаешь сведения в архиве или от человека, чей авторитет в данной области не вызывает сомнения, или же от прямого свидетеля или участника событий, как, скажем, ветераны войны. Другое дело – поверить вот так, аптекарю, повествующему о событиях семнадцатого века, будто он там лично присутствовал, без каких-либо доказательств. Ведь кому расскажи – засмеют. С другой стороны, этот черт довольно-таки интересно рассказывает. Живенько так, с подробностями. Денис не привык отмахиваться без оглядки. За долгие годы преподавания он научился все использовать в педагогических или воспитательных целях – любые ошибки в учебниках, задачниках, ляпы в фильмах. И теперь, даже сквозь чугунную голову, мысль о том, что истории этого Джанни Родари можно использовать, пробилась и постучалась, как стебелек деревца сквозь асфальт.

– Хорошо, вы мне расскажете. Только я сперва приму таблетку, с вашего позволения.

Антон Семенович протянул стакан воды, будто заготовленный на такие случаи, и предложил пройти в уединенное место, где никто не помешает и, не приведи господи, не подслушает. Мужчины уселись на уютный большой диван и откинулись к спинке, приняв самые удобные позы для беседы.

– Я вам рассказал, как искали эти бумаги, которые считаются пропавшими.

– Да, обыск в аптеке у... Простите, запамятовал...

– Стампи. Анна Стампи.

– Да, да, точно.

– Обыск ничего не дал, документы не нашли. Девушку арестовала инквизиция.

– Ужасно. Как у нас в тридцать седьмом, – сокрушенно покачал головой Денис.

– Еще хуже, я вам доложу, – вторил Антон Семенович. – Что тогда творилось, особенно в протестантском мире – просто беда.

– Но вы хотели о другом рассказать...

– Да. Вернемся к нашей теме. Так вот. Я вам могу рассказать, как бумаги с оним письмом, которое считается пропавшим, оказались у Анны – кто их принес.

– И вы знаете, куда они делись?

– Давайте по порядку. Я вам расскажу, что знаю.

Денис понял, что сегодня узнать судьбу бумаг точно не светит, сам согласился и теперь должен слушать. Он покивал и едва не прикрыл глаза, чтобы представить будущий рассказ в картинках.

– Так вот. Это произошло накануне обыска. К тому времени уже стемнело, но звезды пока прятались. Только луна сквозь тучи едва освещала сад. Раздался звук открывающейся двери. Через мгновение дверь закрыли. В саду появилась Анна. Осмотревшись, она быстро направилась к главной двери, что отделяла сад от городской улицы.

* * *

С усилием приоткрыв тяжелую дверь, Анна осторожно выглянула на покрытую густым мраком узкую улицу. Пристально осмотрела обе стороны дороги: горожане предпочитали в поздний час не показывать носа из дома. Ограбления не были столь уж редки в те неприка-
янные времена, когда ум, честь и совесть забывались перед жадной поживиться тем, что плохо лежит, да еще поздней и душной римской ночью.

Внезапно она зажала рот рукой: из темноты возникло смуглое лицо Массимо, который, несмело улыбнувшись, стащил с головы шляпу и стиснул на груди.

– Добрый вечер, синьора Анна, – прошептал он.

Анна опустила ладонь и выдохнула:

– Добрый вечер, Массимо... Ты хорошо смазал тачку – я не слышала ни звука.

Массимо кивнул, и Анна приоткрыла дверь пошире, чтобы впустить сапожника, толкавшего небольшую деревянную тачку, катившуюся, впрочем, без усилия: ее отменно смазывали для частых ночных визитов Массимо в алхимическую лабораторию.

Осторожно заперевав массивную дверь огромным ключом и спрятав его в карман платья, Анна легко пошла впереди сапожника по песчаной дорожке, превосходно маскировавшей звуки в стоячем ночном воздухе. Массимо шел позади, стараясь глядеть прямо перед собой: даже случайно юноша не хотел наткнуться взглядом на bastardi, что стерегли сад днем и ночью. Через считанные минуты от внешней стены сада беззвучно отделилась черная тень в низко надвинутом капюшоне и чуть слышно зашагала направо по улице, пользуясь преимуществом особых мягких сандалий, так отличающихся от привычно грубой монашеской обуви. Ни Анна, ни Массимо этого, конечно, не увидели.

Вход в лабораторию прятался за огромными кустами жасмина, разросшимися достаточно буйно, чтобы низкая с огромными петлями дверца не бросалась в глаза посторонним посетителям монастыря. Анна быстро осмотрелась и открыла дверь. Вход в святая святых – небольшую комнату с кирпичными стенами – предваряла грубая лестница в одиннадцать ступеней и узкий коридор с факелами, чадившими и съедавшими половину драгоценного кислорода.

Пропустив сапожника с тачкой, и немедленно, но осторожно и тихо, заперевав дверь, Анна глубоко вздохнула, приложив руку к груди. Стены лаборатории абсолютно звуконепроницаемые: кирпичная кладка и глубина подвала позволяли сохранять тайны секретного помещения.

Массимо на руках внес тачку внутрь и, едва не задев Анну рукой, отчего он немедленно стушевался и чуть не шагнул мимо второй ступени, стал спускаться, напряженно посапывая и отчаянно желая утереть катившийся по лбу пот. Он вкатил ее в комнату и устало прислонился к дверному косяку. Почувствовав взгляд, резко обернулся – Анна стояла совсем близко. Она протягивала полотенце, глядя привычно ласково:

– Возьми, прошу тебя. Впереди много работы.

Анна прошла вглубь комнаты. Она чувствовала на спине и шее глаза сапожника, но не придавала значения.

Массимо помогал в лаборатории, но, какое бы головокружение он ни испытывал, находясь в такой близости от желанной ему женщины, природное чутье и робость не давали юноше внутреннего права и возможности решиться на что-либо большее. К тому же он искренне и глубоко погружался в опыты и эксперименты, проводимые в этом месте, потерявшем всякую таинственность и ставшем источником познания огромного куска жизни под названием наука. Поэтому сапожник охотно приходил сюда поздно вечером, променивая бездумное пьяное сидение в кабачке с друзьями по профессии на смешивание веществ и изучение растений.

Анна осторожно сняла плащ, прикрывающий тачку. На нее немедленно уставились два огромных напуганных глаза, и резко шевельнулся длинный полосатый хвост. На тачке стояла маленькая деревянная клетка, в ней скрючился небольшой странный зверек, которого окрестили как «ночной дух» – *lemures*. Рядом виднелась прозрачная стеклянная емкость с чем-то темным и едва различимым в чающем сумраке комнаты.

– Массимо, где ты его раздобыл?

Юноша повесил полотенце на шею и довольно улыбнулся.

Четырнадцать месяцев назад в порту Остии он пошептался с португальскими моряками, затевавшими опасное плавание на Мадагаскар. Вручив выданную ему синьорой Анной весьма внушительную сумму денег и втайне опасаясь провала, он больше года ожидал, удастся ли оправдать доверие, оказанное красивой хозяйкой сада при монастыре кармелитов. Это было его первое поручение, и синьора Анна смогла растолковать, насколько важно заполучить экзотического зверька в лабораторию. Преодолев непростой путь от побережья до Рима и ухитрившись довести лемура живым и здоровым, Массимо испытывал усталость и удовлетворение:

– Благодарение Богу, синьора Анна! Попутный ветер и его благословение помогли.

Будто вспомнив о нелегкой судьбе и устав от долгой дороги не меньше Массимо, лемур пронзительно заверещал, требуя от людей по меньшей мере должного снисхождения к своей персоне.

– Не беспокойтесь, синьора Анна, он совершенно ручной. Мы с ним подружились, пока ехали к вам.

С этими словами Массимо ловко открыл дверцу в верхней части клетки, и маленькое обезьяноподобное существо уцепилось за его куртку, как цепляется пятимесячный малыш за платье матери. Лемур с любопытством рассматривал Анну близко посаженными желтыми глазами. Массимо, осторожно придерживая зверька, вынул из кармана красное яблоко и передал Анне:

– Возьмите, синьора Анна. Он их любит.

Анна с улыбкой протянула лемуру спелый плод, и тот лихо вцепился в блестящую кожуру сначала пальцами одной, а затем и другой руки. Не дожидаясь особого приглашения, он ухватил яблоко зубами, разбрызгивая сочную мякоть, и через мгновение от фрукта остались сладкие воспоминания.

– Ну, что ж. Пора за работу, мой ученый друг! – сказала Анна, повязывая поверх темного платья большой кожаный фартук.

Подав точно такой же Массимо, посадившему сразу же заверещавшего лемура обратно в клетку, она протянула руку к склянке с крышкой, также стоявшей на тачке сапожника. Повязывая фартук, юноша огляделся. Ничего не изменилось в этом пристанище науки. Огромные пучки целебных трав развешаны над камином справа от двери. Сейчас в нем горел огонь, и трещали некрупные буковые поленья и вишневые ветки. Невысокий стол в центре небольшой комнаты уже готов для нового опыта: стояло несколько одинаковых склянок и реторт, и чадила маленькая бронзовая лампа с желтой свечой. Черные пентаграммы на левой от двери стене долго составляли загадку для Массимо, пока Анна не рассказала, что пять углов символа напо-

минают о пяти важнейших составляющих окружающего их мира: огне, воздухе, воде, земле и духе. И что стремящиеся познать созданный Богом мир должны признавать взаимосвязь этих пяти элементов.

Взяв в руки стеклянную емкость, Анна поднесла ее поближе к слегка чадившей лампе. В склянке сидел еще один гость с далекого Мадагаскара: ярко-красная надувшаяся жаба, равнодушно смотревшая вокруг круглыми желтоватыми глазами. «Ни дать, ни взять, помидор как он есть, – подумалось Анне, – только глазки тарашит. Тоже ведь тварь божья. Но ничего не поделаешь. Придется...» Анна натянула кожаные перчатки.

Она разумно относилась к занятиям в лаборатории и помнила, чем заканчивались неосторожные опыты с чрезмерно яркими змеями, лягушками или жуками. Господь Бог позаботился, чтобы предупредить людей об опасности, которую таят яркие цвета. Не позаботился он лишь о том, чтобы до конца защитить всех тварей от самого опасного создания на свете – человека.

Анна осторожно вытряхнула живой красный «помидор» на левую перчатку и мгновенно сжала ладонь, слегка придавив жабе небольшую плоскую голову.

– Массимо, скребок и склянку, – негромко приказала она.

Внимательно наблюдавший за манипуляциями сапожник моментально подал маленький металлический скребок и склянку со стола. Скребок Анна взяла в правую руку, оставив склянку в руке Массимо. Жаба сильно тарашила глаза, но ни ярко-красный цвет ее кожи, ни круглый немигающий взгляд не мешали женщине делать свою работу: Анна аккуратно соскребала белую жидкость, вытекающую словно из-под покрова животного.

Нацедив восемнадцать капель в склянку, которую крепко держал Массимо, девушка чуть сильнее сдавила жабе голову. Когда та обмякла, Анна осторожно поднесла жабу к камину и разжала пальцы, позволив огню жадно принять нового погорельца в жаркие объятия. Туда полетели и кожаные перчатки, тут же стянутые Анной. Отвернувшись к маленькому распятию, она перекрестилась и кратко прочитала молитву. Так ей велело поступать сердце, горестно сжимавшееся каждый раз после очередного жертвоприношения во имя и славу науки.

Наблюдая за ее действиями, Массимо вдруг с неприязнью осознал, что новый друг, любитель яблок и обладатель полосатого хвостика, должен принять такую же мученическую смерть от рук самой прекрасной женщины на свете. Пораженный горькой думой, он посмотрел Анне прямо в глаза.

– Синьора Анна, – робко начал он.

Складка у рта Анны разгладилась.

Она часто размышляла о работе с живыми существами. Чтобы получить струю бобра ради приготовления склянки с духами, в доме Медичи убивали этих зверьков столь же безжалостно, сколь и хладнокровно. Анна решила, что настало время попробовать другой метод. Необязательно убивать ядовитую змею, чтобы забрать у нее яд. Нужно лишь заставить божью тварь поделиться. Создать ей условия, в которых она выделит смертоносный нектар. Именно это она сейчас изложила Массимо, державшему склянку с жабым секретом, уже сползшим на самое дно емкости.

– Поэтому, Массимо, я бы хотела поручить эту важную миссию тебе. Слушай внимательно...

И Анна объяснила успокоенному сапожнику, что требуется сделать, чтобы получить от привезенной обезьянки порцию пахучей жидкости в ту же самую склянку.

Надев новую пару кожаных перчаток и удостоверившись, что Массимо последовал ее примеру, она сама извлекла лемура из клетки и повернула спиной к помощнику. Анна привыкла к крепкому обращению со многими подопытными животными и посему, уверенно обхватив зверька, она слегка завела назад маленькие, но такие цепкие ручки, и следила за тем,

чтобы он не вздумал пустить в ход острые белые зубки, так молниеносно расправившиеся с яблоком.

Совладев со своей частью работы – также ровно восемнадцать капель пахучей струи в склянку с жабым секретом – и забрав крайне перепуганного лемура, Массимо с облегчением выдохнул:

– Он больше вам не понадобится, синьора Анна?

Покачав головой, девушка тоже глубоко вздохнула.

– Массимо, прошу тебя принять мою благодарность и вот это...

Анна протянула сапожнику небольшой кожаный мешочек, туго набитый монетами.

Юноша осторожно посадил беспокойного зверька в клетку и закрыл крышку. Лемур тут же вцепился пальцами в темные прутья и с опасением смотрел на двух людей, которые, обливаясь потом в маленькой душной комнате, равным образом ловко и аккуратно обращались с хрупким стеклом, мягкой кожей и живым огнем.

– Синьора Анна, благодарю вас, – с легким поклоном обратился Массимо, – нужен ли я вам еще?

– Благодарю тебя в ответ. Сегодня я справлюсь сама...

Юноша погрузил клетку на тачку и накрыл коричневым плащом.

– Синьора Анна, – в нерешительности начал Массимо.

– Слушаю тебя.

– Могу я задать один вопрос?

– Безусловно, можешь. Только ты понимаешь, что я могу и не ответить на него? – с легкой иронией улыбнулась Анна.

– Да, конечно. Но он меня очень волнует.

– Спрашивай, не волнуйся, – ласково ответила девушка.

– Вы, синьора, затратили большую сумму денег, чтобы раздобыть странных тварей. Под покровом ночи в полной тайне проделали столь странные действия.

– Боишься колдовства? – едва не засмеялась Анна.

– Нет, что вы, что вы, – замахал руками Массимо. – Просто огромные траты ради нескольких капель? И такая тайна, чтобы получить очередные мази, которые будут раскупать жители города?

– Пойдем, я тебя провожу до ворот, а по пути кое-что расскажу, – Анна вступила на лестницу.

Массимо последовал за ней. Женщина прислушалась к звенящей ночными цикадами тишине сада и осторожно открыла дверь. Выйдя на свежий воздух и глубоко втянув в себя горячий и пряный аромат ночи, Анна огляделась. Тишина и бессмертие. Именно такое впечатление всегда производил на нее ночной монастырский сад. Ни звука. Да никто из обитателей этого дома и не нуждался в шуме, ибо благое дело требует благостной тишины.

– Видишь ли, милый Массимо, – заговорщицки зашептала Анна, – лекарства, которые делают аптекари, если и помогают человеку сделать жизнь лучше, то только, когда ему плохо, и когда он их принимает. Но это телесные болезни. Гораздо тяжелее болезни душевные. Из-за них люди совершают дурные поступки. Вот болезни духа мы лечить не умеем.

– Но разве церковь и Святое Писание не учат, как нужно жить, чтобы правильно поступать и избегать душевных болезней?

– Учат, безусловно, учат, – согласилась Анна. – Но если человек заболел, ему нужно помочь?

– Конечно!

– А как ты поможешь, если болезнь в нем есть, но не дала о себе знать?

Массимо от удивления остановился:

– Никак.

– Пойдем, пойдем, – подтолкнула юношу Анна. – Так вот я и хочу найти способ распознавать такие болезни и лечить.

За разговором они дошли до двери. Повеяло свежестью, такой желанной после душного дня в каменных переулках Рима. Массимо с удовольствием подставил поднымавшемуся ветру усталое смуглое лицо. Анна взглянула в густое черно-синее небо – как бы не помешал сейчас ее запыленным розам, радостно закачавшимся на призыв ветра, хороший дождь, с крупными каплями, но недолгий.

Бесшумно проводив ночного гостя, Анна на несколько секунд прислонилась спиной к теплой резной двери. Это далеко не конец. Впереди самое главное. Предстоит проникнуть в такие неведомые дали... На мгновение стало трудно дышать. Не смея долее задерживаться, Анна вновь легко пустилась по песчаной дорожке, даже подмигнув в адрес невидимых стражей великолепных тропинок.

Окрыленная успехами, идеями и фантазиями, она даже не заметила, что, покидая с Массимо лабораторию, не заперла дверь, и что черная тень в низко надвинутом капюшоне, едва задев закачавшиеся и зашуршавшие ветки жасмина, быстро нырнула внутрь и неслышно спустилась по одиннадцати тайным ступенькам. Ни Анна, ни Массимо не обернулись на звук зашелевших кустов.

Возвратившись в лабораторию и отложив в сторону полотенце, Анна задумалась, глядя на догорающие в огне перчатки. «Скоро полночь. Я должна успеть завершить начатое. Иначе все потеряет смысл».

Молча и сосредоточенно она приготовила крошечные стеклянные емкости с жидкостями разных оттенков и расставила на столе. Доподлинно известны лишь некоторые компоненты ароматной смеси, приготовленной в жаркую римскую ночь, события которой только начинались... Химики, в чьи руки впоследствии попала склянка с ароматом, сумели распознать кориандр, цветок апельсина, плющ, бергамот, сандал, жасмин, ваниль, гвоздику, базилик, мускус, ландыш, лилию, календулу и, конечно, розу. Но при их смешивании никому более не удалось воспроизвести то, что соединили белые руки зеленоглазой колдуньи из подвальной лаборатории при монастыре босых кармелитов июньской полночью тысяча шестьсот пятнадцатого года.

Обессиленно присев на грубый дубовый стул, Анна закрыла усталые глаза рукой и вздохнула. Привычное соединение нужных составляющих в правильной пропорции не могло так утомить. Но предстоящие события вызвали у нее, мало чего страшившейся в жизни, настоящий трепет.

Медленно подняв глаза, она увидела прибор, подаренный Дионизио. Весьма замысловатую конструкцию из веревочек, шариков, грузиков и шестеренок выполнил сын великого тосканца – Винченцо, с которым Дионизио дружил. Надо сказать, что совсем недавно Галилео набросал чертеж устройства, которое позволяло отсчитывать число колебаний груза, подвешенного на нити, и, более того, совершать колебания весьма долго. Но заботы с книгой, интриги недоброжелателей и болезни, преследовавшие ученого всю жизнь, не давали возможности довести конструкцию до работающей модели. Винченцо попытался помочь и весьма преуспел в этом. Зная, как ревниво отец относится к тем, кто берет на вооружение изобретения без ведома, и потому боясь отцовского гнева, сын никому не показывал конструкцию. Но натура свое берет, и однажды Винченцо не выдержал и предъявил модель Дионизио. Музыкант оценил по достоинству – конструкция позволяла точно держать темп игры. По просьбе последнего они смастерили еще один прибор, который Дионизио подарил любимой. Так у Анны Стампи оказался уникальный хронометр, коим не располагал даже его изобретатель.

Обнаружив, что до полуночи осталась четверть часа, Анна подошла к дотлевающему камину. Отодвинув в сторону седьмой от верхнего левого угла камина подкопченный камень, она осторожно вынула большую книгу в черном кожаном переплете и положила на край стола.

Камин был небольшой, и пространство рядом с ним ловко использовалось Анной как надежное место хранения.

Будучи чрезвычайно сконцентрированной на предстоящей трудной работе, она не замечала скрючившейся в сумраке коридора тени человека, который осторожно вытянул шею и всматривался в производимые ею манипуляции. Он каждую минуту мог бесшумно припасть к каменному полу в самом темном углу и замереть на месте, но сейчас соглядатай сумел даже отсчитать точное число камней до тайника в камине.

Установив склянку с готовым ароматом посередине стола, Анна зажгла по углам комнаты четыре свечи красного цвета, водрузив пятую на стол для освещения страниц книги. Она не смела обратиться к распятию перед действием, которое предстояло совершить, поэтому просто опустила на колени, сосредоточенно и очень глубоко вздохнув еще раз, прошептала слова молитвы и раскрыла книгу. Пламя свечей слегка вздрогнуло, когда прошелестели перелистанные Анной страницы. Она ощутила жар, исходящий от фолианта.

Чуть склонив голову и вытянув руки вдоль книги, Анна начала негромко читать вслух. Постепенно вокруг стали нарастать и плясать бесформенные, чудно-зловещие красноватые тени. Девушка не обращала внимание на то, что творилось в лаборатории. Она по очереди открывала фарфоровые баночки, пузырьки из зеленого муранского стекла, мешочки из грубой ткани или шелка, добавляя их содержимое в заветную склянку.

Тени плясали и корчились вокруг, и, освещенная теплым розовым светом, хранительница аптекарских традиций была как никогда хороша. Зеленые глаза, обращенные к книге, слегка опущены, каштановые волосы упали на спину, с плеч соскользнуло темное платье. Стоя на коленях перед столом, она слегка касалась его грудью, подрагивавшей от волнения и жара. Внезапно красные тени заматались в бешеном хороводе. Это знак. Ее мольбы услышаны. Анна взяла склянку и осторожно вынула пробку. Разнесшийся по комнате аромат быстро смешался с запахом трав на стенах и свечного воска. Девушка поднялась на ноги. Резко и сильно закрыв склянку, она внезапно дунула. Свечи моментально погасли и прекратили неистовый танец теней, сопровождавших сей поистине колдовской обряд. Если бы вы зашли в эту комнату и зажгли простую белую свечу, вы бы обнаружили, что лаборатория пуста.

Воздух очистился сквозняком, проникшим в распахнутую дверь, и наполнил темноту лестницы, коридора и комнаты настоящей ночной свежестью, принесенной ветром с самого побережья. Анна благоразумно затушила факелы. Ни к чему постороннему человеку видеть огонь в подвале монастыря за полночь.

Она зажмурилась. Все получилось. Ей всегда все удавалось, пусть и нелегким трудом, который истинные ученые не признали бы за серьезный. Анна зажгла белую свечу возле двери, капнув на нее две капли масла лаванды. Скоро придет он. И встретить его должно во всеоружии, когда важны любые мелочи и детали. Особенно это необходимо, когда твой любимый – музыкант, человек страстный и нежный, живущий скорее образами. И ласковый, обволакивающий запах лаванды встретит и настроит на нужный лад. Отвлечет от того дурного, с чем мятущаяся и живая душа могла столкнуться за долгий и трудный жаркий день. Нужны успокоение и уют. И ее любовь.

Анна посмотрела на хронометр. Полночь! Проведя рукой по шее и волосам на затылке и не удержавшись от короткого радостного вздоха, она вышла в сад, только слегка притворив за собой дверь, чтобы ветер не загасил свечу, чей манящий огонек осветит им путь в лабораторию. Легко ступая по песчаной дорожке к двери на улицу, она увидела, что ветер принес не только свежесть, прохладу и спокойствие ночи, но и сообщил особую темноту небу, придав иссиня-сери-черный вид, который предвещает самые страшные римские грозы, случающиеся летом не так уж и редко.

Погруженная в радостные мысли от предвкушения встречи, она не услышала легкий шорох жасмина. Некто, чья тень так нагло мелькнула в мерцании оставленной Анной свечи

у входа, осторожно, будто прекрасно зная сад и ориентируясь в нем ночью так же великолепно, как и днем, украдкой покинул лабораторию. Свернул налево, словно зная, что там растет первое из так любимых хозяйкой сада персиковых деревьев, за которым можно безопасно укрыться в густом мраке ночи.

Снова отперев дверь, Анна нежно улыбнулась. Ночь освежила ее, а поднявшийся с новой силой ветер наполнил верой и надеждами.

– Ветры вы ветрующие, – прошептала Анна, вглядываясь в чернеющую мрачность неба, густо покрытого тучами. – Принесите нам милость, а не гибель. Мир, а не разрушение. Любовь, а не ненависть...

Сердце девушки заныло, к горлу словно потянулась чья-то ледяная рука. Непонятная, пугающая тоска медленно растеклась по телу.

«Что со мной?» – с трудом восстанавливая дыхание, спросила Анна у самой себя. И поняла, что не может дать ответа.

Тягостные размышления прервались, когда она ощутила горячее дыхание и крепкие руки Дионизио, буквально возникшего из темноты улицы. Анна не сразу разглядела его лицо, до того неузнаваемым и чужим оно стало. Схватив девушку за руку, он с силой увлек ее в сад и навалился на дверь. Анна сумела взять себя в руки, вывернувшись из крепких объятий возлюбленного и ухитрилась удержать дверь от резкого и грохочущего стука, с которым та желала привалиться к стене. Рассудок моментально подсказал, что произошло нечто из ряда вон выходящее. Нужно трезвое рассуждение и не менее трезвое поведение, поэтому в который раз за сегодняшний вечер заперев дверь на ключ и хладнокровно спрятав его в карман, она вложила руку в ладонь Дионизио.

Еле слышным шепотом Анна прошелестела:

– Что?

Дионизио поднял на нее тяжелый и отчаянный взгляд – затравленного охотниками волка, который чувствовал неумолимое приближение смерти и пытался на мгновение оттянуть тягостный миг:

– Синьор Галилей в опасности!

Ветка персикового дерева качнулась, словно вспорхнула небольшая птица, но так уж развивались события этого вечера и ночи, что никто не мог предугадать присутствия соглядатая во мраке сада, и поэтому легкие ночные шорохи остались незамеченными.

Анна вопросительно смотрела на Дионизио, зная, что не стоит оказывать давление, он соберется с мыслями и даст ответы на вопросы. Поэтому она лишь взяла обе его руки в свои и крепко сжала, продолжая внимательно вглядываться в искаженное болью лицо.

– Письма... Письма... – музыкант прерывисто дышал и часто моргал. – Письма синьора, о которых я говорил тебе! Но они знают! Меня ищут! Я не понимаю, – продолжал он, отпустив ее руки и сцепив свои в судорожном рукопожатии, – как они пронюхали, что письма хранятся у меня?! Мне с таким трудом удалось вырваться из-под наблюдения. Весь день я ощущал на себе чей-то тяжелый взгляд. Это они!

Анна постепенно стала понимать, что произошло с ее любимым. Он мог и не пояснять, кто скрывался под именем «они». Анна задумчиво смотрела на переносицу Дионизио: «Шпионы Его Святейшества. Эти пойдут на многое, чтобы завладеть любыми бумагами синьора Галилея, заставить его молчать в угоду Папе и всей нашей Матери Церкви...» Снова посмотрев Дионизио прямо в глаза, Анна спросила:

– Где сейчас спрятаны эти письма?

И в тот же момент буквально лишилась дара речи, когда музыкант осторожно извлек из-за пазухи длинный свиток, перевязанный веревкой и протянул ей:

– Нигде не спрятаны... Я не успел, просто не успел этого сделать, – прошептал он, ища безумным взглядом привычно ласковый и нежный ответ.

– И эти списки...

– Нет!!! Нет же! Это не списки! Это оригинал письма, который ищут кардиналы инквизиции!

Дело принимало совершенно новый оборот. В руках у Дионизио находились настоящие, руки Галилея документы. Бумагами мечтали завладеть Его Святейшество и иже с ним. Если таковое осуществится, синьору Галилею запретят вести важнейшую работу. Само его существование окажется под угрозой. Анна ощутила холодок, пробежавший по спине, как быстроногая ящерица в жаркий день может проскользнуть по лежащей на траве руке отдыхающего человека.

– Еще, – продолжил, оглядываясь, музыкант, – здесь донос членов «Голубиной лиги» на кардинала Беллармино!

Посмотрев любимому в измученные страхом и болью глаза, Анна нежно улыбнулась и прошептала:

– Эти письма необходимо спрятать.

Словно попав под гипнотическое воздействие, Дионизио кивнул, не отрывая взгляда от Анны:

– Спрятать...

– Немедленно спрятать, – настойчиво повторила она.

– Да, да, да... спрятать... – взгляд музыканта метался, словно в поисках возможного тайника.

Взяв Дионизио за руку, Анна властно, но очень осторожно увлекла его в лабораторию. Девушка старалась шагать как можно тише, ибо уже полностью овладела собой. Предстоящие события взволновали ее, заставили напряженно работать мозг и хладнокровно искать решение. Они вошли внутрь, и на фоне трепещущей свечи несколько секунд виднелись два силуэта в дверном проеме. Дверь медленно закрылась, и в тишине сада чуть слышно раздался осторожный двойной поворот ключа.

Слегка подрагивая от нервного возбуждения, человек в капюшоне, чья тень сегодня стала мрачным сопровождающим Анны, бесшумно вышел из-за дерева. Не спеша двигаясь вдоль стены монастыря, он ощупью добрался до нужной двери, ключ от которой на длинной серой веревке тут же вынул из-под камзола.

Уверенно и привычно отперев знакомую дверь, шпион в плаще медленно закрыл ее. Оказавшись в помещении аптеки, перевел дух и стал размышлять, свидетелем каких событий он так успешно и удачно стал. «Письма они спрячут у нее в лаборатории. Она сама так сказала. Все складывается просто великолепно». И, насмешливо улыбнувшись, нежелательный ночной гость так же хладнокровно открыл дверь, ведущую на улицу и очень спокойно запер на тот же самый ключ, висевший под камзолом.

* * *

Ольги на месте уже не было, посетителей тоже. Денис и Антон Семенович сидели на диване, слегка отвалившись к спинке, и смотрели в разные стороны.

Молчание нарушил Денис:

– Странно. Вы каждый раз описываете события, будто прям-таки стояли и наблюдали. У вас интересный дар рассказчика.

– Спасибо за комплимент, конечно, – не без удовольствия ответил аптекарь, – но эти предания я слышу с самого детства, и они у меня стоят перед глазами, будто это все только произошло.

– И все-таки, такое повествование не является доказательством истинности описываемых вами событий. Не пойму, почему я должен поверить.

- Видите ли, в чем дело. Антонио Капелли – это мой дальний-дальний родственник.
- Аптекарь из тех событий? – изумился Денис.
- Да. А что, собственно, такого странного? У всех есть дальние родственники.
- Это понятно. Я даже могу допустить, что тот аптекарь – Капелли – ваш предок.

А почему вы – не Капелли или Капелин?

- А вы знаете, потому что Волосов по-итальянски и есть Капелли.
- О как! – поразился Денис. Итальянский язык был ему чужд.
- Вот. Так что, простите, но считать то, что я вам рассказал и при первой встрече, и сегодня, детскими сказками – неразумно. Тем паче, повторяюсь, это передается в нашей семье из поколения в поколение.

– Ну хорошо, даже если допустить, что это не выдуманная история, а семейная мифология, остается еще масса вопросов.

– Не знаю, получится ли, я не могу пока рассказать вам все, но на некоторые вопросы готов ответить.

– Зачем вы мне рассказываете – раз. Что вы именно от меня хотите – это два. И я совсем не понимаю, где и как искать эти ваши бумаги.

– Заметьте, не мои! Это бумаги Галилея! Но я действительно сам искать не могу. Тому много причин, и нет необходимости их раскрывать. Сколько я ни пытался выяснить, так и не понял, куда их спрятала девушка Анна. Есть еще одно обстоятельство.

Аптекарь сделал паузу. Денис через несколько секунд вопросительно взглянул в глаза Антона Семеновича:

- И?
- Видите ли, – протянул аптекарь, – вы тоже косвенно имеете к этому отношение.
- Ну, конечно! – разочарованно воскликнул Денис. – Еще скажите, что я потомок Галилея. Санта-Барбара прям какая!
- О нет! Не переживайте. Вы ему не родственник, – Волосов помолчал и взглянул на Дениса искоса. – Обратили внимание, как звали лютниста, который пришел к Анне ночью с бумагами?

Денис напрягся. Действительно, его звали очень похоже. Нет, не Денис, но очень созвучно.

- Де... Ди... – перебирал он вслух.
- Дионизио.
- Да, Дионизио. Это по-итальянски Денис?
- Совершенно верно.
- Ну да, а фамилия у него, небось, Порохованни, Пороховетти, так? – усмехнулся он.
- Не могу сказать. Эта информация не дошла до наших дней.
- Знаете что, господин Волосов. Я не удивлюсь, если теперь окажется, что эта самая Анна – тоже предок кого-то из моих близких знакомых. Кстати, Стампи что означает по-итальянски?

- Печатать, публиковать, издавать.
- Анна Книжкина, Анна Печатникова, – он скрестил руки на груди. – Нет у меня таких.
- И тем не менее, я скажу, уважаемый Денис, вы знаете ту самую Анну, которая укажет, где спрятаны бумаги.

Денис тяжело вздохнул.

- Cherchez la femme, – он обреченно выдохнул, – этого мне только не хватало.
- Уверю – вы знаете ее. Она должна быть среди ваших знакомых.
- Она что, тоже из «бывших»? Потомок?

Аптекарь с прищуром улыбнулся уголком рта.

Беседа прервалась неожиданными посетителями. Большая группа людей наполнила зал аптеки, выбежала экскурсовод Оля. Антон Семенович с торопливыми извинениями поспешил за прилавком.

Денис понял, что сегодняшнее общение закончилось. Да и время за рассказами втихаря убежало далеко за полдень. Пора заняться и более приземленными делами. Полный смятения и тревожных ощущений, Денис покинул аптеку и не спеша направился домой, мысленно перебирая знакомых ему Анн.

* * *

Над Campo dei Fiori висела дымка дождя. «Вот так я подробно услышал о бумагах в первый раз, понимаешь? И впервые про нее – Анну. Дескать, она и приведет к документам. Что думаешь?» – Денис глянул на каменного оппонента. Молчит...

Громко хлопнула дверь, и в кафе вошла шумная толпа туристов из восточных краев, отряхиваясь от уличной мороси. Денис заметил, что официантки даже не шелохнулись.

«Вот, брат Бруно, – обратился он мыслями к каменному собеседнику по ту сторону большого окна. – Оказывается, лютнист принес ей бумаги и письма. Что за бумаги? Не знаешь?» Он пригубил горячий кофе. Взгляд упал на невысокую, европейского типа женщину лет тридцати с узким лицом, большими черными глазами и чуть сжатыми губами.

«Ну да, брат-философ. А потом началось „шерше ля фам“. Она вам поможет, ищите ее... И как Анна неожиданно появилась! Прямо ниоткуда...»

Беседа с Анной

– В заключение еще раз обращаю внимание, что складывающаяся вокруг яркого исторического персонажа мифологическая мозаика иногда полностью меняет наше восприятие и понимание сути его личности. Так произошло с личностью Галилея. Величайший ученый ни в коей мере не противостоял церкви и, тем паче, не боролся. Он претендовал на то, что истину можно постичь, не изучая Святое Писание, но через научное познание природы. В этом состояла суть конфликта ученого с Папой Римским. Спасибо всем за внимание! До встречи в эфире.

Коллеги шумно благодарили Дениса за лекцию. Одна женщина скромно стояла в стороне, не присоединяясь к общему гулу голосов, но не отрывая от Дениса взгляда. Невольно он обратил на нее внимание. Волнистые каштановые волосы ниспадали ниже плеч. Стройность, даже худощавость фигуры подчеркивало элегантное строгое платье. Слушала чрезвычайно сосредоточенно, но при этом отрешенно, словно мыслями находилась очень и очень далеко. Время от времени он ловил на себе ее «вернувшийся», как сам успел его окрестить, взгляд. Девушка задумчиво всматривалась в лектора, пару раз встряхнув челкой, словно прогнав дурные мысли. Однако же Денис знал – все, что он рассказывал, ей понравилось и запомнилось.

Удовлетворив желающих обсудить жизнь и славные деяния великого тосканца, он бегом поднялся к себе в кабинет, чтобы взять личные вещи и выдвинуться наконец-таки в сторону дома. Закрывая дверь, услышал стук каблучков. Обернувшись, Денис заметил именно ее.

– Ну, как? Вам понравилось? – кокетливо поинтересовался.

Девушка остановилась в шаге от него, заложила руки за спину и улыбнулась:

– Да! Пожалуй, это мне и хотелось услышать. Подлинные факты. Подробно и квалифицированно высказанное мнение на ужасно интересную тему. Кстати! Меня зовут Анна.

– Очень приятно! Вас интересует Галилей? – вежливо улыбнулся Денис.

Чуть помолчав и взглянув ему прямо в глаза, Анна осмелела:

– Я бы очень хотела еще поговорить с вами на эту тему. Ибо... Ну, в общем, на рассказ об этом нужно время.

По дороге к метро коллеги успели познакомиться поближе. Выяснилось, что работают вместе уже несколько лет, но пересечься хотя бы для беседы времени и повода просто не находили. Они договорились в ближайшие выходные прогуляться по красивым уголкам исторической части Васильевского острова. Денис был заинтригован, поскольку такая непопулярная ныне тема, как жизнь Галилея, не выглядела предложением со стороны Анны, чтобы просто привлечь внимание.

Тихий сентябрьский день нежился в прохладных лучиках уже осеннего солнца. Темная нельская вода перекачивалась синими, мерцающими холодом всплесками. Сидящие на скамейке в Румянцевском садике Денис и Анна устали от прогулки, потому решили продолжить разговор в более тихом месте. Сад наилучшим образом соответствовал настроению и погоде.

– Так вот. Вы упомянули, что найденные до сегодняшнего дня письма Галилея – это переписанные его учениками и буквально всеми желающими копии. Я правильно поняла?

– Я говорил о письме Галилея к ученику и другу Кастелли. Первый вариант письма, написанный в тысяча шестьсот тринадцатом году, за которым, собственно, и охотилась инквизиция, пропал. Пока его не нашел никто. И уважаемый Игорь Сергеевич Вульфийус, помните, я упоминал его и в лекции, и вообще говорил о нем, подтверждает это весьма уверенно.

Анна кивнула:

– Готовы ли вы послушать меня два-три часа? Об этом письме я тоже упомяну.

– Я немного не понял?

Анна вздохнула и зажмурилась. Денис слегка улыбнулся. «Красиво она это делает. Особенно когда от удовольствия жмурится. Что-то в этом есть».

– Я кое-что знаю об истории этих документов. И хотела бы с вами поделиться.

– Вы были в секретных архивах? – Денис приподнял брови и подался вперед. – Беседовали с кем-то на эту тему?

– Не совсем. Я побывала в Риме. Летом. И все, о чем расскажу, произошло со мной лично. Можно, я начну?

Денис положил ногу на ногу и, сделав приглашающий жест руками, скрестил их на груди.

– Итак... В июле этого года я посетила Рим.

* * *

В пестрой ярко-красной футболке с короткими рукавами, едва прикрывающей пояс темно-синих Lee, ранним июльским утром две тысячи восемнадцатого года на *via Savour* Вечного Города со стороны вокзала Термини появилась бальзаковского возраста женщина по имени Анна со светлой сумкой через плечо.

Уверенной походкой она зашагала по тротуару, ловко лавируя между группами туристов, волоча маленький серый чемодан на колесах, ласково прозванный немцами – троллей. Подобно капризному ребенку, всем видом он выказывал нежелание куда-либо двигаться. Миновав тыльную сторону *Santa Maria Maggiore*, Анна дошла до *Largo Visconti Venosta*, где заприметила по левую руку супермаркет *Elite*, взглянула на смятую карту, ловко вынув ее из сумки, и продолжила путь. Троллей, похоже, смирился со своей участью и послушно катил за хозяйкой. На пересечении *via Madonna dei Monti*, *via Leonina* и *via dei Serpenti* девушка остановилась. Бросив взгляд влево вдоль *via degli Annibaldi*, она на миг замерла, и из груди вырвалось «Уфф...». В конце улицы, буквально в пяти минутах ходьбы, зиял, как ей показалось, Колизей, а точнее его небольшая часть. Взяв себя и троллей в руки, Анна свернула направо и оказалась на *piazza Madonna dei Monti* возле старого фонтана *dei Catecumeni*.

У малоприметной церкви *della Madonna del Pascolo* она нашла цель маршрута – гостиницу *Holiday Home Sophia*. Быстро уладив формальности с милой девушкой, уверенно говорящей по-русски, Анна поднялась на второй этаж в небольшую уютную комнатку, оснащенную кроватью, тумбой, столом, вентилятором и двумя стульями.

Она отпустила троллей, который спрятал непропорционально массивную ручку, демонстрируя, что он точно прибыл на место, и сбросила сумку на стул. Девушка испытывала то самое странное состояние, когда после долгого и физически трудного путешествия, будучи утром в одном месте, кое мечтал покинуть, оказываешься в совершенно ином, о котором долго думал и куда желал попасть. И вот, это свершилось, и не надо дальше никуда идти и тащить «капризный сундук на колесах».

Мысли роились, словно навязчивые мошки. «Как я здесь оказалась? Почему вдруг Рим? Еще пару месяцев назад в планах никакого Рима не было и в помине. Что же произошло? Что теперь?»

Анна устало потерла виски и шею. Какой нелепый и ужасный год тянется в ее жизни! Тяжесть новых обязанностей обернулась вдруг резкой сменой положения дел. Отныне не будет больниц, запаха бинтов, белой безликой двери в реанимацию и бесконечного отчаяния, опутавшего вместе с осознанием невозвратности. Она вспомнила, как, устало глядя перед собой во время бесцельной тягучей прогулки по весеннему городу, вдруг услышала веселые звуки тарантеллы, показавшиеся навязчивыми и неприличными в холодном мартовском воздухе.

Музыка заставила остановиться. Может, оно к лучшему. Уже через пару часов Анна бронировала на сайте одну из недорогих гостиниц в Риме, городе, который мог бы рассказать о невозвратности и невозможности. Ей хотелось, нет, даже не развеяться. Она хотела привести в порядок мысли, а еще более душу, искореженную новым семейным горем.

Анна встряхнула каштановой челкой и с удивлением обнаружила себя возле окна. Там, за окном, стелился Рим. «Ты ждешь меня, Вечный Город? Ты дашь мне успокоение? Надежду? Будут ли твои объятия нежны и бережны со мной, Рим?» Тонкой дымкой струилась музыка, не то гитары, не то похожего инструмента. В мелодии чувствовалась непривычность. Кто-то очень чувственно перебирал струны, создавая из звуков, словно спицами, непрерывную благодатную вязь. Она удачно вписывалась в наблюдаемую Анной архитектуру, но совершенно не сочеталась с современностью.

Смыв в душе дорожную пыль и усталость, девушка сменила красную футболку на более спокойную белую и спустилась на первый этаж, где уточнила, что может вкусно и недорого пообедать в любом невычурном кафе без призывной надписи *Ristorante*.

«А не шопингнуть ли мне?» Подбодрив себя кивком, направилась на знаменитую *via del Corso*. Жаркий день набирал обороты. Пестрые витрины бутиков, магазинов, пиццерий, антикварных лавок отвлекли внимание и даже заставили улыбнуться.

Горячее июльское солнце накинuloсь на белую кожу северянки. Скоро она поймала себя на непривычном ощущении. Ну да, слабая, но надоедливая головная боль. «Откуда?» – удивилась Анна. Никогда ранее голова не болела. Убедившись, что сама по себе назойливая заноза в голове не затихнет, она решила найти аптеку, ибо в сумочке, собранной впопыхах, ничего из лекарств не обнаружилось. На углу *via del Gambero* и *via della Vite* таковая обнаружилась.

Пожилая аптекарша с любезной улыбкой протянула стакан воды. Запив таблетку, Анна присела на огромный мягкий стул, обитый кожей, и осмотрелась. Потертые мозаичные мраморные плиты пола, дивной росписи потолок, роскошная хрустальная люстра. «Старая синьора», – подумала Анна, разглядывая непривычный для подобного заведения интерьер. Стало легче. Боль незаметно рассеялась. Прохлада помещения, тишина и антураж привели Анну в умиротворение. Опять слышались утренние переливы старинного инструмента. «Я уже слышала эту музыку?» – как чертик, возник вопрос.

В помещение вошла еще одна пожилая женщина. Старушки пошептались, вторая дама бросила молниеносный взгляд на Анну и взвизгнула:

– *Oddio, tesoro! Questa ragazza e una sorella dei fratelli Andrea e Artemio dalla stessa farmacia!* – как пулемет прострочила она, перемещаясь в таком же темпе к ошарашенной девушке. Положив руки ей на плечи и матерински глядя в глаза, на удивление медленно молвила:

– *Come vola il tempo! Ahimè, figlio mio, siamo tutti mortali.*

На счет «фигли-мигли» Анна, конечно, ничего не поняла. Но заключительный аккорд поверг в уныние.

– *Dove sono?* – спросила она, отчасти искренне, отчасти пытаясь остановить напор пожилой дамы.

– *Come? Antica farmacia reale!* – пропищала дама и молниеносно указала тонким крючковатым пальцем на участок пола, где ясно различались цифры «1572».

Анна окинула взглядом помещение и, почувствовав внезапный внутренний дискомфорт, неожиданно спросила:

– А нет ли в Риме еще одной такой же старинной аптеки?

Старушка наконец-то отпустила ее и быстро вернулась к первой. Дамы разулыбались. Обе в умилении смотрели на Анну, как на новорожденного ребенка. «Что со мной не так?» – прошептала мысленно девушка. Пожилые синьоры сразу перестали улыбаться, и первая посоветовала прогуляться на *piazza della Scala*, что расположена в старинном районе *Trastevere*.

Покинув странную эпохальную аптеку и сделав несколько шагов, Анна вновь оказалась на *via del Corso*. Солнце ощутимо укусило за плечи. «Надо купить от солнца что-нибудь», – подумала она, но решительно отвергла всякую мысль о возвращении к этим странным особам.

Боль прошла. «Хм, в аптеке я слышала музыку, а здесь нет», – как-то неожиданно подумалось ей. Зачем еще одна аптека? Боль-то прошла. «Старушки странные. Наверное, им скучно, вот они раду... Стоп! Как же я их понимала?! Я что, знаю итальянский?» – последняя мысль заставила Анну остановиться.

Она ощутила толчок в спину и резко обернулась. В черной сутане с откинутым капюшоном, подпоясанный толстой плетеной белой веревкой с несколькими узлами стоял высокий, чуть сгорбленный, с выдающимся итальянским носом лысоватый мужчина лет сорока. Правая бровь с заметной проплешиной, а в углу левого глаза у самого носа притаилась довольно крупная родинка.

– *Mi scusi, signora improvvisamente si fermò. Non mi aspettavo...* – начал он быстро оправдываться, не отрывая взгляда от Анны, сник и проглотил последние слова, словно магнитофон зажевал пленку.

– *Scusate, colpa mia...* – Анна тоже остановилась. «Да что со мной не так? Что они все пялятся на меня?» – мысленно уже прокричала она.

– *La signora alla ricerca di qualcosa?* – с хитрецей в голосе спросил слуга церкви.

– Нет, спасибо, я сама, – буркнула в ответ Анна.

– *Prima della riunione...* – с прищуром пропел мужчина.

– И вам не болеть.

Монах быстро развернулся и, широко шагая, скрылся в толпе.

Солнце опять ущипнуло плечи Анны. Мимо сновали люди, не обращая внимания на белокожую ошарашенную женщину в белой футболке и с такой же белой сумочкой через плечо. Она прислушалась. Мыслей нет. «Ну, и...?» – в отчаянии выдавила вопрос, обращаясь в никуда. «Иди, куда сказали. На *piazza della Scala, 23*», – ответили из ниоткуда. Ну, слава богу! Вечная спутница и подруга – интуиция, кажется, проснулась.

– И куда идти?

– Пойдем, покажу.

Однако для начала Анна решила подкрепить силы чашкой кофе и остановила выбор на первом уличном кафе.

Позволив себе откинуться в легком плетеном полукресле, она задумчиво окинула взором площадь. Заманчивого вида аутентичные улочки разбегались во все стороны разноцветными, плотно стоявшими друг к другу домиками. В центре площади степенно и важно изливал прохладную воду фонтан на восьмиугольном основании и с чрезвычайно удобными ступеньками, кои покрыты сплошным слоем отдыхающих туристов и голубей.

Ее планам на восстановление и поиск себя, обновленной и освеженной после нескольких лет борьбы, ничто и никто не помешает. Ни резко галдящие грубоватые немецкие туристки. Ни шумные испанские семьи с неизменными двумя-тремя долговязыми подростками. Ни самоуверенные американцы, чувствующие себя как дома практически во всех уголках мира. Ни даже соотечественники с привычкой делать селфи во всех мало-мальски значимых местах Европы и не способные затем внятно прокомментировать, что же такое они посетили, и чем это место так важно для истории и для них лично.

Зазвучал хорошо знакомый любой русской женщине чуть хриловатый и мрачный голос Сальваторе Кутуньо с ласковым прозвищем Тото. «О, да, – подумала Анна. – Атмосферно. Если бы он сейчас вышел вон из-за той колонны в белом шарфе и с микрофоном в руках, я бы даже не удивилась». Окинув быстрым взором публику кафе, она обнаружила, что не только ее тронули приятные воспоминания о знаменитой итальянской эстраде конца прошлого века. Заулыбались даже серьезные французские дамы в двух столиках от Анны. Лет им по шестьдесят пять, и, несомненно, харизматичный Кутуньо оставил когда-то в их двадцатилетних сердцах жгучий тосканский след.

Песня об истинных представителях гордого народа Италии стихла, и в образовавшуюся паузу вновь потянулась тонкой струйкой тихая, едва уловимая витиеватая мелодия. Анна напрягла слух, чтобы уловить мотив. Опять эта старинная музыка. Она не сочетается с шумными посетителями маленького тесного уличного кафе и галдящей толпой! Ей не соответствует ни одна вывеска на площади! А как она созвучна могучему фонтану в центре пространства, который явно ровесник этим переливам. Наверное, уличный музыкант перебирает струны лютни.

Да! Точно! Лютня! Не гитара! Как она сразу об этом не догадалась! Но получается, этот невидимый музыкант, перемещается по всему городу?

Подняв глаза, Анна увидела симпатичного высокого худого официанта, с улыбкой протягивающего корзиночку со счетом. Расплачиваясь, она поинтересовалась, что за музыку слышит. Официант странно улыбнулся и, то ли сделав вид, что не понял вопроса, то ли ответив, что ничего не слышит, мгновенно исчез в глубине кафе. Анна медленно встала и вышла из-под огромного полотняного зонтика.

Солнце мгновенно начало облизывать плечи и шею острыми и жгучими лучами, похожими на огненные языки костра. «Изжарят меня здесь в первый же день аки ведьму. Или как Бруно!» – подумала Анна и, сверившись с картой, поняла, что как раз рядом та самая аптека, куда вела подруга-интуиция. А при чем тут ведьмы и Бруно? Этого горемыку-фантазера сожгли аж в тысяча шестисотом году. Что за мысли? От жары, наверное.

Размышляя о бедняжке Бруно, неудобствах, причинённых солнцем, и методах борьбы с ними, она завернула за угол и оказалась возле Santa Maria della Scala. Звуки музыки усилились. Рядом, видимо, сидел тот самый уличный лютнист и сплетал неспешную старинную мелодию. Анна обернулась и принялась рассматривать дома напротив церкви. Взгляд остановился на одном, желтого цвета, скрюченном, словно старик от радикулита, чуть поодаль вниз по улочке, ведущей вправо. «Да! Именно здесь», – услышала она голос из ниоткуда. Это дом, в котором когда-то произошло настоящее чудо: старинная уличная фреска Богородицы исцелила ребенка, кажется, с врожденными уродствами.

Анна развернулась к церкви и сделала пару шагов. Ее взгляд замер – светло-кирпичного цвета стена, опирающаяся на массивное, высотой в человеческий рост и слегка покорёженное в углах, основание из мраморных плит. Две невысокие мощные каменные ступеньки предваряли огромную темно-коричневую дверь, пошарпанную временем, крепко запертую мраморной арочной дугой. Над дверью прямоугольная белая вывеска розовыми буквами гласила «Farmacia S Maria della Scala». Чуть правее под вывеской в прямоугольной рамке белели цифры «23». Анна глубоко вздохнула: «Уфф».

Внезапно, едва не задев ее рукавом, мимо прошелестел монах в коричневой рясе и скрылся за тяжелой дверью. Пытаясь окликнуть его, Анна вдруг осеклась: дверь ведь даже не шелохнулась. Впереди образовалась тень. Обернувшись, она увидела мощную черную лошадь, запряженную в телегу. На телеге сидел такой же монах, как тот, который невероятным образом попал в дом. Решив больше не предаваться размышлениям, Анна, повинуясь верной подруге – интуиции, толкнула высокую дверь.

Витраж с папским гербом. И это все, что устанавливало связь аптеки с тем самым Римом, полным тайн, загадок, интриг, с тем новым временем, когда зарождалась новая итальянская музыка, новая опера, новая литература, новая наука. Какое разочарование. Привычные глазу упаковки витаминов и Durex на современных стеллажах. Улыбчивая итальянка за прилавком, уставленным пилюлями и флаконами. Нет, это не то, совсем не то, что она ожидала увидеть. Ну, да ладно, хоть мазь от солнечных ожогов можно купить.

Она не заметила, как рядом возник буквально из воздуха небольшой итальянец лет к пятидесяти, ласково глядя на нее темно-ореховыми глазами.

– Buona sera a voi! La signora vuole qualcosa? – прохрипел он тенором, никак не соответствующим грузному телу и испещренному морщинами лицу, весьма современной трехдневной щетине и высокому лбу в складочках.

– Здравствуйте, синьор. Ведь это и есть та самая Папская аптека? Просто аптека... – сказала Анна по-английски.

Аптекарь пренебрежительно улыбнулся. Девушка повторила фразу по-русски.

Итальянец хитровато прищурился:

– Так синьора пришла не за лекарствами? Синьора желает посетить наш музей? Он у вас прямо под ногами.

Невольно глянув на аккуратные бежевые кроссовки, Анна недоуменно улыбнулась.

– Si prega di seguire me, – он указал на двустворчатый светло-зеленый занавес в глубине зала.

Спускаясь вслед за новым знакомым по лестнице светлого мрамора, ведущей в подвал, Анна потеряла виски. Навязчивая мелодия не то, чтобы стала сильнее, но и не отступала. Оказавшись в освещенном низкой люстрой зале подземного музея, она спросила:

– Можно, я сама посмотрю?

– Да, конечно, как синьоре будет угодно, – услужливо ответил аптекарь.

Проведя рукой по лбу, Анна медленно двинулась вдоль высокого шкафа-витрины, наполненного ретортами, склянками, манускриптами. Её взгляд прошелся по залу. Старинный телефон, кассовый аппарат, микроскоп у окна.

«Что же со мной такое... Это не жара, это... Что я здесь делаю?! Зачем я сюда пошла? – вертелось в голове. – Что я здесь хочу найти?» Найти. Да. Теперь Анна ясно ощутила подспудное желание что-то обнаружить здесь. Она поняла, что события подталкивали именно сюда, но явно не для того, чтобы купить мазь от солнца. «Так, подруга! – мысленно обратилась Анна в никуда. – Не будешь помогать, уйду отсюда!» Из ниоткуда ответили: «Хорошо, хорошо. Давай начнем по порядку». Анна вновь медленно пошла вдоль старинных шкафов, рассматривая каждый флакончик, колбочку, ступку и книжку.

Итальянец внимательно наблюдал за ней, как учитель за учеником, решающим задачу. Казалось, он терпеливо ждал, когда на ученицу снизойдет то самое понимание сути задачи после упорного труда мысли, который многие ошибочно принимают за озарение.

– Синьор?

– Капелли, синьора, Антонио Капелли.

– О, синьор Капелли... Нельзя ли стакан воды? Здесь очень приятно и прохладно, но мне что-то не по себе... Пожалуйста.

– Синьора с севера?

– Из Санкт-Петербурга.

– Ммм... San Pietroburgo... Россия?

Анна улыбнулась.

Антонио заспешил к лестнице, мысли его путались. Обыкновенная туристка-северянка, не привыкшая к прекрасной погоде благословенной итальянской земли. Вот и на солнце обгорит, бедняжка, в первый же день. Надо сделать звонок старой знакомой синьоре Селесте Бенетти, чтобы она запасла для белокожей синьоры средств... Он замер со стаканом воды в руках так резко, что капли влаги плеснулись на мозаичный пол. «А откуда мне известно, что она навестит старую Селесту?!» Пораженный внезапной догадкой, Антонио заторопился вниз по лестнице так быстро, как только мог.

Пусто. Остолбенев, аптекарь, не веря в происходящее, подбежал к раскрытой двери алхимического кабинета. Белокожая синьора стояла там. Она внимательно рассматривала чучело каймана на довольно высоко расположенной полке над столом.

Анна довольно улыбалась. «Это верный путь, – думала она. – Мне стало гораздо легче». Обомлевший Антонио, не веря своим глазам, подошел ближе.

– Это ведь вы, – несмело пролепетал он.

– Ну, конечно, я, синьор Антонио, – она весело улыбнулась в ответ и взяла стакан из его рук. – Не откажите в любезности показать этот экземпляр? Сдается мне, его поймали при забавных обстоятельствах, верно?

Лицо аптекаря Антонио просветлело. Это она. Она сама назвала ту приметку, по которой он, хранитель великих тайн аптеки, должен опознать возвращение бывшей ее хозяйки, той, из-за которой в этих стенах разыгрались столь драматические события, что последствия тянутся вплоть до сегодняшнего дня.

В нерешительности, которая все еще владела им, Антонио Капелли осторожно снял зеленовато-коричневое чучело каймана. Анна с удовольствием смотрела на его бережные жесты. В родном ветреном Санкт-Петербурге в одной старой аптеке ей как-то поведали, что кайманы и им подобные твари совсем не случайно занимают почетное место в аптекарских шкафах. Еще с шестого века нашей эры именно эти симпатичные рептилии считаются настоящим символом аптечного дела. Каждый мастер оного считал необходимым разместить привезенную из Южной Америки тушку того или иного размера за стеклянной витриной или подвесить к потолку. Данный образец действительно попался не сразу. Он благодушно пожаловал в дом одного торговца какао-бобами, где его и поймали в кухонном помещении при попытке полакомиться чем-нибудь мясным. Каймана привезли в Рим уже в виде украшения аптекарского кабинета, где он и поселился, чтобы сыграть наиважнейшую роль во всей этой истории.

– Синьора, прошу вас, осторожнее, – с тревогой в голосе пробормотал аптекарь.

Анна осматривала чучело взглядом человека, имеющего дело с рептилиями чуть ли не ежедневно.

Нежная мелодия разлилась по украшенному темной резьбой алхимическому кабинету, она проникала в шкафы и продолговатые, лежавшие на боках старинные флаконы толстого стекла, в мельчайшие детали узоров на стульях и в потертую обивку... Внезапно взгляд зеленых глаз девушки остановился на выпуклости на боку животного.

– Боже мой! Чучело сделали из беременной самки?! Ей даже не позволили сделать кладку!

– Синьора... – продолжал в беспокойстве невнятно лепетать Антонио.

Анна коснулась жесткого бока каймана. Этого оказалось достаточно, чтобы кусочек кожи буквально расползся от прикосновения, как раскрывается шуршащая оберточная бумага с подарком. Завороженная этим зрелищем, от которого у обыкновенного посетителя любого музея мира дурнота подступила бы к горлу, Анна храбро взглянула прямо в темно-карие глаза спутника и протянула руку к отверстию в боку рептилии.

Это была холодная прозрачного стекла склянка, очень небольшого размера, вплоть до самой залитой воском крышечки заполненная жидкостью коньячного цвета. У Анны расширились зрачки. Лицо покрылось испариной, и громко застучало сердце.

– Мне нужен нож, синьор Антонио, – глухо, но повелительно сказала она, не глядя на аптекаря, словно прекрасно зная, что нож окажется в ее правой руке в течение пяти секунд.

Она вскрыла восковую крышку. Ожидание тяжелого, несовременного и тягучего запаха сменилось восторгом самого женского свойства. Анна вдыхала аромат короткими легкими движениями, словно пытаясь впитать его до капли и сделать своим вторым «Я». Нет. Первым.

Она завороченно посмотрела на Антонио Капелли. Лицо грузного аптекаря было торжественным и значимым, будто он стал свидетелем истинного чуда человеческого.

– Вы тоже слышите эту музыку?

– Синьора спрашивает о лютне?

– Да.

– O! Virtuoso Bardi ludit lute. Ipse Est Enim Discipulus Vincenzo Galilei.

Какой такой Барди люто лудит? Ошеломленный взгляд Анны заставил его поспешить с пояснениями:

– Да, да. Это «Павана» и «Гальярда», авторство как раз мэтра. А исполняет синьор Барди. Ipse est virtuoso lute music.

– Синьор разыгрывает меня? Барди, Галилей? Какой Галилей?!

– Отчего же. Прошу вас во двор и сад, вы сами увидите.

* * *

Денис покачал головой. «Вот так появилась в моей жизни Анна... Анна... Но флакон? Эти духи? А, Бруно? Где она их взяла, по-твоему?»

Поток промозглого воздуха из открытой двери обдал лицо, и Денис тряхнул головой. «Точно! Флакон! – он торопливо нащупал его в кармане. На месте. – Я уж начал забывать, что она его из крокодила достала. Что-то там в ее рассказе еще меня удивило. Не помнишь, каменный друг?»

* * *

Анна медленно и с усилием открыла глаза, зажмурившись от света лампы. Напротив сидел аптекарь и настороженно вглядывался в просыпающееся лицо. «Синьор Капелли. Антонио Капелли, – вспомнилось женщине. – Знакомое имя, знакомая фамилия... Хм... Первый день в Риме и уже запоминаю имена?» Анна повела плечами и обнаружила себя возле камина в старинном кресле с высокой спинкой.

Поодаль, но так, чтобы прекрасно видеть выражение ее лица, расположился Антонио:

– Синьора, вам лучше? Я не смел тревожить вас... Это все жара, вас сморило, потому что вы не привыкли к сиесте. Мы обычно спим днем.

– О, да... Конечно.

Анна встряхнула примятой челкой и разгладила ее. Надо же так: задремать прямо в подвале аптеки. Перед путешествиями просто необходимо выспаться, а то вот так ставишь людей в неловкое положение. В комнате пахло призывно и волнующе. И почему-то хорошо знакомо. Анна поднялась на ноги, проверяя, нет ли головокружения. Нет, все в порядке. И даже можно сказать, что она выпалась, здесь, в подвале старинной Папской аптеки в древнем, как сам Рим, кресле.

Антонио протянул ей маленькую склянку толстого стекла.

– Синьора, это подарок, возьмите, пожалуйста. Старинные духи, старинный флакон. Просто подарок. Его сделала когда-то хозяйка этой аптеки, можно так сказать... Звали ее Анна...

– О, это не подарок, синьор Антонио, это мечта! Благодарю вас!

И, довольная интересным совпадением, взяв из рук улыбнувшегося уголком рта аптекаря крохотную склянку, Анна в сопровождении синьора Капелли вышла из подвального музея в торговый зал. Немолодой итальянец проводил ее до двери и рассыпчато попрощался на своем музыкально-птичьим языке.

Анна потянула на себя тяжелую дверь и шагнула за пределы аптеки. Не успев сделать и пары шагов, она вскрикнула. Ее чуть не сбил с ног самокат. Точнее, его весьма шустрый, но неосторожный владелец – невысокий подросток с косой челкой, падающей на один глаз, резко затормозил в сантиметре от ее кроссовок:

– Scusi, signora, – буркнул он и остро глянул прямо в глаза.

Анна отошла в сторону. «Вот чертенок!» – первым делом пришло на ум сравнение. К ее удивлению, мальчишка легко толкнул высокую дверь аптеки и лихо влетел туда прямо на само-

кате, ловко подпрыгнув на самом пороге. «Ох уж эти цветы жизни», – усмехнулась про себя Анна.

Выйдя на маленькую площадь della Scala, что обрамляла монастырь и аптеку, Анна искренне изумилась. Перед ней открылась вечерняя римская улица. Стемнело достаточно, чтобы видеть лишь неясные очертания квартала, но фонари, льющие желтоватый свет на старинную мостовую, все же давали возможность разглядеть вкусные вывески trattorias, кафе и ресторанов.

Тут девушка осознала, что провела полдня без еды и питья и поэтому первое, на что упал взгляд – приветливо распахнутые двери итальянских кабаков. Запахи доносились оттуда изумительные: специи и кофе, слегка пахло зеленым и чуть-чуть сигаретным дымом, который при всей нелюбви Анны к табаку даже вписывался в окружающую обстановку. Поесть прямо здесь означало бы просто поесть, не насладившись мало-мальски приятным видом и красивым названием piazza или via.

Анне не был чужд эстетизм некоего интеллигентного свойства. Она предпочла отправиться в путь, но найти место, где бы ей не только подали вкусную еду, но и усладили бы взор мрамором палаццо, камнем брусчатки или хотя бы просто изъеденной временем, да еще каким долгим, дверью, ведущей в простой римский дом с одинаковыми ставнями и маленькими балкончиками, с которых можно обменяться газетой с соседом или быстрым поцелуем с очаровательной соседкой-студенткой.

Ну, не балкончики и не мрамор палаццо, но название приятно слуху: Campo dei Fiori. «Здесь и поужинаю», – Анна опустилась на белый стул уличного кафе с видом на памятник мужчине в капюшоне. Само олицетворение монашеской покорности. Это выражалось во всей его позе: сложенных перед собой руках и слегка склоненной голове. «Стоп, это же Джордано Бруно». Анна приподнялась, чтобы получше разглядеть внушительную фигуру философа. Последними словами Бруно перед страшной казнью были: «Я умираю мучеником добровольно и знаю, что моя душа с последним вздохом вознесётся в рай». Чего другого, а покорности современникам Бруно ждать от него не приходилось.

Стараясь переосмыслить то, о чем подумалось, Анна уделила внимание скромному девичьему ужину по-итальянски. Салат Caprese и превосходные прошутто и мелоне – никак не чета бледным копиям в итальянских ресторанчиках родного города. Намеренно медленно поглощая свежую, несмотря на поздний час, еду, Анна испытывала легкое чувство дежавю. Заглянув в путеводитель и держа его в левой руке, чтобы правой неспешно накалывать на вилку кусочки моцареллы, она узнала, что площадь, которая доставляла несомненное удовольствие своей аутентичностью, долгое время использовалась как место проведения публичных казней, в том числе и сожжения ведьм.

На этих словах Анна полужакрыла глаза и услышала нечеловеческие крики объятый пламенем женщины, чьи каштановые волосы разметал жар огня. С отвращением увидела внимательные взгляды монахов-доминиканцев, которые старались не упустить ни одной детали ее поведения, чтобы потом подробно изложить в трактате «О ведьмах истинных», как отличить приличную женщину и ревностную католичку от колдуньи путем сожжения ее на костре. Разглядела нетерпение и любопытство во взорах людей, собравшихся на маленькой площади поглазеть, как сгорит очередная жертва просвещенности и стремления к познанию. Она увидела, как торопливо закрывали окна лавочники из домов, обрамлявших площадь: фу, того и гляди, сладковатый запах горелой человеческой плоти попадет в лавки. Наутро посетители опять будут брезгливо морщить и закрывать носы. Этого еще не хватало! Репутацию почтенного и честного торговца делают и такие мелочи, между прочим!

Но что же так свербило и не давало спокойно насладиться вечерней трапезой? Анна очнулась от неглубокого, но тревожного сна: ее осторожно потрогала за плечо хрупкая светловолосая официантка лет двадцати пяти:

– Простите, синьора, с вами все в порядке?

– Да... Спасибо. Счет, пожалуйста!

Расплатившись и трезво рассудив, что поздно вечером не стоит в одиночку гулять, даже по такому неспящему городу как Рим, Анна вошла в метро и поехала в сторону отеля.

В полупустом вагоне она разглядывала названия станций, но не могла прогнать навязчивую мысль. Как сложить воедино увиденный в странном сне акт алхимии, лютниста с документами. Аптеку со смешными старушками, готовыми поболтать с ней, будто они вчера расстались. Насмешливого монаха со странной бровью... «Есть! Завтра утром я должна снова побывать в аптеке по адресу... По адресу... Так». Анна щелкнула пальцами правой руки, как всегда делала в попытке что-либо вспомнить. Высокая дверь, розовые буквы вывески... Интуиция чуть иронично наблюдала за ее обескураженным видом и, проглотив зевоту, шепнула: «Ну, лестница... Ты же филолог». Santa Maria della Scala. «Вот так. Я все-таки вспомнила!»

Очень довольная собой, но необыкновенно уставшая от такого количества событий за один короткий день, Анна возвратилась в гостиницу, приняла прохладный душ, поставила кондиционер на девятнадцать градусов и растянулась на белых плотных простынях, привычно зажмурившись от удовольствия и слегка вытянув шею.

Ночь пришла в ее сознание, немедленно поглотив остатки непростого и полного причудливых эмоциональных испытаний первого дня в Риме.

* * *

Мягкий звук колокола коснулся уха Дениса, возвращая его в здесь и сейчас. Кафе опустело. Едва ворковали официантки. Женщина, привлечшая внимание, ушла.

«Да, вспомнил. Понимаешь, друг Бруно, ее рассказы почти в точности совпадали с рассказами этого, как там его, Волосова. Это меня тогда напрягло. Причем, и о появлении бумаг тоже совпадали – точь-в-точь».

Дождь усилился, и капли зашпешили по стеклу, создавая иллюзию движения каменного изваяния – Денису показалось, что собеседник сочувственно кивнул.

Письма Галилея

– Уфф, – вздохнула Анна. – Так закончился мой первый день в Риме.

Денис покачался взад и вперед, откинув голову.

– Мне кажется, стоило бы, Аня, – растягивая слова, начал он, – найти источник этих видений. Их что-то спровоцировало.

Анна лукаво глянула на собеседника:

– Ну, то есть, вы бы пошли в эту аптеку снова, так?

– Да! Обязательно! Только вот... Давайте посидим в более уютной обстановке, а? Кажется, начинается любимое питерское погодное состояние – моросит...

Они прогулялись до первого понравившегося кафе, где и устроились за бокалами кьянти. Пригубив, Денис взглянул на Анну:

– Вы туда пошли опять, я угадал?

Анна улыбнулась.

* * *

Свежее и ясное утро началось для Анны с воя полицейской сирены. Город просыпался, умывался, лениво пил пахучий кофе, усаживался на небольшие городские мотоциклы или аккуратные «Фиаты» и начинал привычный утренний бег, объезжая замки, дворцы, набережные, парки, места постоянных римских раскопок, площади и фонтаны. Анна с удовольствием вслушивалась в эти звуки, прекрасно осознавая, что уж ей-то точно не стоит суетиться.

Как удачно, что, погружаясь в прохладную дрему, она взяла телефон и отключила все рабочие будильники. «Красота-а-а... – нежно потянулась в кровати. – Совсем никуда не надо...» Внезапно девушка села и обхватила колени руками. События вчерашнего дня пронесли в голове галопирующей упряжкой.

«Не в моей натуре отступать. Решено!» Анна взглянула в окно и подумала, что таким прекрасным летним днем несомненно придет успех в делах и отдыхе. Быстро сделав круг душ – шкаф – любимые бежевые кроссовки, она сбегала по лестнице, вручила ключ девушке на ресепшн и вышла на теневую сторону улицы, буквально нежившейся в ласковых солнечных лучах. Решив ограничиться кофе, Анна быстро купила двойной эспрессо в первой же кофейне на перекрестке.

Чудесная погода, небо манящего синего оттенка, нарастающее тепло, обещающее жаркий день, располагали к пешей прогулке быстрым шагом. Ровное, спокойное настроение и восхитительный кофе сделали путь к аптеке короче и позволили путешественнице пройти по красивейшим районам Рима и выйти прямо к Тиберине, острову на юго-западе исторической части города. Два старинных моста вели в нужный ей район Trastevere, третий пересекал Тибр в обход острова с востока. Анна перешла мост Garibaldi и двинулась на запад вдоль усаженной пышными деревьями набережной.

Оказавшись на площади della Scala, она вспомнила, что несколько лет назад видела в Лувре великолепную «Смерть Девы Марии» работы Караваджо и нашла упоминание, что художник писал ее именно для этой монастырской церкви. Сейчас же хотелось попасть в одноименную с площадью аптеку, где вчера произошли столь удивительные и необъяснимые события. Она уверенно и решительно толкнула огромную тяжелую дверь.

Дверь даже не поддавалась. «Chiuso!» – заметила Анна на двери аптеки слева. Справа от здания затаилась полицейская машина, припаркованная крайне небрежно наискосок. Девушка удивилась: «Чудны дела твои, Господи! Где же это я вчера побывала?»

Стараясь не привлекать внимание полицейского в автомобиле, тем не менее проводившего ее взглядом, Анна медленно покинула площадь. Выйдя на набережную и глянув на мутноватую зеленую воду, она глубоко вздохнула. Что-то случилось в аптеке за время ее отсутствия. Что-то неприятное. Страшное. В любом случае, сейчас лучше там не показываться.

Рассматривая противоположный берег, Анна открыла сумку и нащупала вчерашний подарок аптекаря Капелли – склянку с ароматом. Вынув руку, она тут же уловила знакомый запах. Теперь он манил и звал, но куда и зачем нужно идти, пока она не осознавала.

Что ж... Я в Риме! И я хочу насладиться этим городом, этой страной в стране. И поэтому я направляюсь... В Ватикан! В государство в пределах городских стен. В хранилище бесценного и вечного. В мир католических воззрений, ошибок и жестокого прошлого. На этом пункте Анна одернула сама себя: «Я иду любоваться произведениями искусства, – строго сказала она. – Ошибки католической церкви оставим самой католической церкви».

С этой несложной мыслью девушка быстро и уверенно зашагала к мосту Sisto, чтобы легко пройти пешком несколько километров и насладиться... Чистейшим летним римским небом. Многочисленными вычурными вывесками магазинов и кафе. Попадающимися на каждом шагу небольшими храмами. Узкими, жарящимися на старом добром итальянском солнце, тротуарами. Крохотными машинками, запросто припаркованными перпендикулярно мостовой, а вовсе не вдоль...

Шумные итальянские женщины, обсуждающие свои дела по мобильным телефонам в режиме fortissimo, стройные и не очень итальянские мужчины с выющимися черными волосами, мотоциклы с наездниками в костюмах различных приемлемых оттенков и, разумеется, в шлемах – все двигалось, гудело, разговаривало, смеялось и восклицало! И, безусловно, восхищало любопытную каштановолосую путешественницу! Ибо получать удовольствие от впечатлений и затем преобразовывать это удовольствие в размышления Анна считала одной из высших способностей рода человеческого.

Мимо одной вывески девушка, конечно же, не прошла. Внимание привлекла джелатерия с длинной витриной. От выбора не просто двоилось в глазах, но и становилось непонятным, а как же люди этот самый выбор делают? Абсолютно несложно выбрать из двух, ну, из пяти видов мороженого, но от витрины с сорока пятью вариантами кружилась голова.

Встряхнув челкой и зажмурившись от луча солнца, скользнувшего по щеке и задевшего глаз, Анна сделала выбор в пользу шоколадного лакомства. От вида огромного рожка с витой темно-коричневой башенкой счастливо улыбнулась. Умение получать удовольствие от жизни как таковой во всех ее добрых проявлениях и приятных мелочах – вот что бесспорно отличало эту красивую русскую женщину от частенько нахмуренных и чрезмерно собранных в узел недоверия и подозрительности соотечественниц.

С превеликим наслаждением облизав приятно охлажденные на жаре губы и тут же вспомнив о правилах приличия, Анна вынула из сумки платок и поднесла к лицу, одновременно подняв голову. Платок замер у рта и медленно прошелся по удивленно полураскрытым, чуть розовым губам. Такое чувство Анна испытывала всякий раз, когда считала, что прикасается к вечному, небесному, потустороннему, божественному, называйте это, как угодно. Ей с самого детства нелегко было воспринимать очередное произведение искусства творением рук вон того смешного сморщенного человека на старинном портрете или строгого черноглазого старика с очень старой гравюры, или же совсем молодого и оттого вечно смеющегося художника с автопортрета. Касание ласковой божественной руки, тонкая и ненавязчивая помощь Творца, озарение, посланное свыше – вот что сопровождало в глазах Анны создание любого музейного экспоната.

От легкого толчка в плечо она опомнилась. Непрерывно перетекающие одна в другую толпы людей старались попасть на площадь перед главным собором всего католического мира: San Pietro. Его полураскрытые объятия манили симметричной красотой колоннады, заворачи-

вали статуями святых по контуру здания, доводили до тихого иступления мощнейшим куполом, знакомым практически каждому человеку на Земле.

Анна решила завершить осмотр базилики сегодняшнюю прогулку и решительно зашагала направо вдоль стены Ватикана. На *viale Vaticano* она уперлась в шумную, но терпеливую очередь из таких желающих приобщиться к искусству, как и она сама. Нисколько не удивившись и покорно простояв в тени рослого американца в желтых шортах и белоснежных кроссовках впереди нее, Анна прошла все мыслимые металлоискатели и стала владельцем заветного билета стоимостью в сорок евро, который показывал дорогу в одну из мощнейших и величайших сокровищниц мира: *Musei Vaticani*. Она обрадовалась, что так удачно подкрепилась по дороге сюда и пообещала себе отведать чего-то более сытного сегодня-завтра вечером, не позднее.

Медленно перемещаясь из зала в зал и рассматривая статуи, бюсты, живописные полотна и шпалеры, Анна наслаждалась эйфорией от накрывавшего предчувствия. Что-то произойдет в этих старинных, издававших всякое залах. Теперь она четко осознала, что поездка в Рим сопровождается странными, но очень волнующими и любопытными событиями, коими нельзя пренебрегать, ибо за ними пряталось нечто, напрямую касающееся саму Анну.

Сердце девушки замерло и вслед за этим стукнуло три раза: Ра-фа-эль! Залы великого Рафаэля! Он расписал их по заказу Папы Юлия II. Анне иногда ужасно хотелось повидать этих столетиями назад почивших в бозе наместников Его на земле, чтобы искренне пожать руку в знак благодарности за такие плодотворные идеи приглашать для творения актов живописи и лепки самых поцелованных Богом людей тех или иных далеких времен.

Фрески, которые сейчас рассматривала Анна, заняли у Рафаэля Санти ровно десять лет. И вот уже пять столетий можно внимать этому бесспорному триумфу веры и церкви в залах, благородно названных по его имени.

Происходящее далее показалось Анне замедленной съемкой, участником которой она не стала. В абсолютной, как ей тогда казалось, тишине мимо, толкаясь и непрестанно фотографируя, проходили люди с детьми и без, одетые в футболки и платья, туфли и кроссовки, с разным цветом волос и кожи, разных политических и духовных взглядов, больные и думающие, что здоровые. Анна перестала воспринимать все, что происходило вокруг. Со стороны она выглядела просто сосредоточенной туристкой, слишком серьезно разглядывающей фрески высоко над головой. Однако в душе ее зрела уверенность, что она подошла к какой-то тайне, и тайна эта так просто не раскроется.

Она видела сидящих, лежащих, прогуливающих, играющих или читающих людей, одетых в древнегреческие просторные одежды ярких цветов. Она любовалась чистым лазоревым небом, дополненным чистейшими же облаками, чистотой и прямоотой линий здания, по которому гуляли персонажи «Афинской школы», сами казавшиеся образцами чистоты и помыслов, и устремлений. Фреска дышала чистотой и гениальностью, простотой и загадочностью. Анна знала, что видит перед собой не совсем Платона, а скорее Леонардо в его роли, не то, чтобы Гераклита, а Микеланджело, и уж точно это сам автор фрески предстал в образе Птолемея. «Какие глыбы, какие гиганты двигали нашу маленькую планету от первобытного состояния к тому, чтобы сейчас я цепенела от восторга при виде этой невероятной красоты... Неужели они были одиноки в попытках привнести в этот мир изящество, пропорции и монументальность? Едва ли. Рафаэль имел много учеников. Именно их заслугой стал зал Константина, который они расписали по эскизам своего гениального учителя. Как же так? Кто они на его фоне? Безымянные старатели, перебивающие песок в надежде отыскать золотой слиток? Они не смогут найти слиток золота, но попытаются хоть на грамм крошечного золотого фрагмента приобщиться к тому, чтобы войти в вечность вслед за талантом, трудолюбием и феноменальностью Мастера...»

Потрясенная Анна медленно покидала Ватикан, еще медленнее она прошла по собору и оказалась на начинающей вечереть площади. Сумерки в Риме показались особенными: нежно-сиреневыми, розовыми и чуть дымными, навевающими щемящую грусть.

Выйдя на мощенную брусчаткой узкую улицу, Анна заметила нескольких людей со смартфонами на трамвайной остановке. Девушка устало улыбнулась: она очень любила трамваи и прокатиться по Риму сочла бы за удовольствие. Обернувшись, нашла глазами автомат и купила билет.

Зеленый трамвайчик подкатил резво, но бесшумно. Над кабиной светила надпись «Largo di Torre Argentina – Trastevere». «Трастевере, Трастевере... Поеду туда», – решила Анна. Прокompостировав билет, она уселась и стала рассматривать быстро темнеющий город. Конечная остановка настигла путешественницу довольно скоро.

Впереди виднелся перекресток, который вел на площадь. Анна не спеша двинулась туда, рассудив, что идти по темным, хоть и людным улицам ей неуютно, а римские площади любого размера всегда имеют очаровательные пристанища в виде уличных кафе для одиноких путешественников.

Удивлению девушки не было предела, когда она поняла, что снова очутилась на знакомой площади. Полицейской машины нет, да и аптека закрыта. На площади гуляют туристы, но гомон стих, и, похоже, все потихоньку начали разбредаться по гостиницам. Анна устроилась на каменной скамье возле арочных сводов. Вытянув изрядно уставшие за долгий пешеходный день ноги, она глянула на дверь аптеки. В совпадения Анна, конечно, верила, но считала их порождением разума и результатом аналитической работы мозга. Иными словами, то, что она оказалась именно на этой площади уже в третий раз, указывало на подспудное желание побывать здесь и попытаться докопаться до истины. В чем она, эта истина, Анна пока не знала.

Открыв сумку, она увидела крохотный пузырек, но уже без восковой крышки, которую вчера сама так отважно сковырнула ножом. Антонио закрыл его другой, плотно прилегающей, но все же слегка пропускающей запах. Возможно, это ответ на вопрос, почему Анна пришла к загадочной аптеке трижды. Непроизвольно улавливая волшебный аромат сквозь крышку и сумку, она вспомнила о первом визите сюда. А раз так, что оставалось делать?

Оглянувшись, девушка не без труда вытащила плотно приложенную крышку. Аромат немедленно разлился, как показалось Анне, по всей небольшой площади, хотя на самом деле никто этого не заметил и даже не обернулся в ее сторону. Уфф... Запах чересчур сильный, чтобы держать пузырек открытым хоть чуточку дольше. Анна провела пальцем по краешку флакона, а затем по левому виску и поспешно спрятала склянку в сумку.

Чудесный летний вечер плыл перед глазами, мимо перемещались люди, проезжали велосипеды и самокаты. На потемневшее, прежде безоблачное небо стали напоздать черно-мрачные тучи. Анна не заметила, как на скамью опустился молодой человек с каким-то предметом в руках.

– Buona sera, signorina. Vuoi musica?

Анна вздрогнула. Она увидела в смуглой руке парня инструмент наподобие мандолины и поняла, что перед ней уличный музыкант – бездельник, зарабатывающий на простоватых туристках, млеющих от сладких струнных переливов и не менее сладких, но таких фальшивых, взглядов римских попрошайек. Решив уйти, Анна перехватила взгляд мужчины и осеклась. Он смотрел печально и серьезно, а инструмент так и держал в руке, обнимая как ребенка – естественно, но бережно.

– А вы произведения Галилея знаете? – спросила Анна.

«Боже, что я говорю... Какого Галилея, простите... Которого сожгли? Но он вроде не музыкант, нет? Ну, как это... Земля вращается вокруг Солнца и прочее... Не за это его казнили?»

Меньше всего Анна ожидала от собеседника, что он ответил также по-английски и то, что именно он ответил, все так же серьезно и даже печальнее, чем прежде:

– А что бы вы хотели услышать из Галилея?

– Э... «Павану», знаете такое?

Молодой человек уверенно взял инструмент, и начал неспешно ласкать струны. Он перебирал туго натянутые белые нити. Анна смотрела на покрытую густым мраком улицу...

* * *

Она пристально осмотрела обе стороны дороги: горожане предпочитали в поздний час не показывать носа из дома. Ограбления не были столь уж редки в те неприкаянные времена, когда ум, честь и совесть забывались перед жадной поживиться тем, что плохо лежит, да еще поздней и душной римской ночью.

Внезапно она зажала рот рукой: из темноты возникло смуглое лицо Массимо, который, несмело улыбнувшись, стащил с головы шляпу и стиснул на груди.

– Добрый вечер, синьора Анна, – прошептал он.

Анна опустила ладонь и выдохнула:

– Добрый вечер, Массимо... Ты хорошо смазал тачку – я не услышала ни звука.

Массимо кивнул, и Анна приоткрыла дверь пошире, чтобы впустить сапожника, толкавшего небольшую деревянную тачку, катившуюся, впрочем, без усилия: ее отменно смазывали для частых ночных визитов Массимо в алхимическую лабораторию...

* * *

Остановившись и переведя дух, Анна заметила, что Денис чуть нахмурил брови и провел рукой по лбу. Он внимательно посмотрел на девушку. Ей показалось, что легкий дух недоверия и в то же время воспоминания коснулся его лица.

– Алхимическую лабораторию, значит... – задумчиво проговорил он, погладив верхнюю губу двумя пальцами.

Следующие несколько минут он слушал, слегка подавшись вперед, практически не поднимая на Анну взгляда, но все так же отрешенно трогая пальцем ножку бокала.

* * *

– Письма... Письма... – музыкант прерывисто дышал и часто моргал. – Письма синьора, о которых я говорил тебе! Но они знают! Меня ищут! Я не понимаю, – продолжал он, отпустив ее руки и сцепив свои в судорожном рукопожатии, – как они пронюхали, что письма хранятся у меня?! Мне с таким трудом удалось вырваться из-под наблюдения. Весь день я ощущал на себе чей-то тяжелый взгляд. Это они!

Анна постепенно стала понимать, что произошло с ее любимым. Он мог и не пояснять, кто скрывался под именем «они». Анна задумчиво смотрела на переносицу Дионизио: «Шпионы Его Святейшества. Эти пойдут на многое, чтобы завладеть любыми бумагами синьора Галилея, заставить его молчать в угоду Папе и всей нашей Матери Церкви...» Снова посмотрев Дионизио прямо в глаза, Анна спросила:

– Где сейчас спрятаны эти письма?

И в тот же момент буквально лишилась дара речи, когда музыкант осторожно извлек из-за пазухи длинный свиток, перевязанный веревкой, и протянул ей:

– Нигде не спрятаны... Я не успел, просто не успел этого сделать, – прошептал он, ища безумным взглядом привычно ласковый и нежный ответ.

Ветка персикового дерева снова качнулась...

* * *

Анна выжидающе посмотрела на Дениса:

– Вот. Столько событий произошло за один вечер... Они отчетливо врезались в память, – она развела руками. – Удивительнее этого со мной еще не случилось ничего!

В повисшей тишине Денис крепко сжал лоб и закрыл глаза. Словно очнувшись, он прервал паузу:

– Необычно как. Почему именно вам? Почему именно письма Галилея?! Алхимия, жаба, лемур?! У меня нет простого объяснения этим галлюцинациям. Хотя и галлюцинациями я бы их не назвал. Вот вы можете ответить на все эти вопросы? Может, вы книги какие прочитали перед поездкой в Рим, а? О Галилео? Нет?

– Да нет... Как-то не сказала бы, что я сильно интересуюсь его жизнью. Последний раз я вспоминала о нем в институте.

– На филфаке?!

– Брехт, «Жизнь Галилея» ... Мы это обсуждали на пятом курсе.

– Ах, да... Познание мира через художественную литературу... Но сейчас не об этом. Так... Давайте еще по бокалу?

Они сделали заказ и сидели далее молча, думая каждый о своем. Анна видела, что Денис ошеломлен услышанным. Но заметила, что впечатлил не столько рассказ, сколько ненайденное объяснение – почему все привиделось именно ей. Казалось, он готов скорее исследовать этот вопрос, нежели всерьез заинтересоваться историческими документами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.